

Юрий Артемьев

КОТТИ

КНИГА ПЕРВАЯ

**КОТЁНОК
ВЫПУСКАЕТ КОГТИ**

18+

**ИМЕЮТСЯ СЦЕНЫ ЖЕСТОКОСТИ
НЕНОРМАТИВНАЯ ЛЕКСИКА**

Annotation

Никто не собирается спасать СССР или как-то по другому изменять историю... Самое главное это просто суметь выжить. А это совсем не просто, особенно, если ты сирота, тебе двенадцать лет и ты девочка.

Предисловие

Читать обязательно!

Сразу хочу сказать, что всё написанное в этой книге — здоровая фантазия больного ума. Назовите это как хотите: Бред, фантастика, враньё. Мне это безразлично... Все совпадения с реальными людьми, имена, фамилии — абсолютно случайны. Исторические события и персоналии, географические названия стран и населённых пунктов тоже взяты от балды. Так что...

И, да... Кстати, мне абсолютно всё равно с какой стороны предохранитель у ТТ. Так что господ и товарищей, которые до последнего винтика знают устройство абсолютно любого оружия всех времён и народов, попрошу не возбуждаться. В моём мире возможно всё. И предохранитель на ТТ в том числе. А ещё я не знаю закон Ома для нагруженной цепи и многое другое из школьной программы, но это не мешает моим героям идти вперёд. Большой объём знаний, как слишком тяжёлый рюкзак, лишь вредит по дороге.

Ещё. Чуть не забыл. Если какая-то сюжетная линия покажется знакомой, и какие-то моменты, вдруг, кому-то напомнят то, что он видел у других авторов — это всё тоже случайность. Я творил из своей головы. А всех книжек на свете я ещё пока не успел прочесть. Так что, если кто-то уже писал о чём-то похожем — то это тоже случайность.

И при этом всё не так, как кажется сначала.

Кстати, после «Илиады» и «Одиссеи» Гомера (а может и не Гомера, а другого какого грека), все остальные более поздние произведения литературы — плагиат. Потому что в этих двух знаменитых книжках есть почти все сюжеты мировой литературы. И фэнтези, и фантастика. И эротика, и любовный роман. И боевик, и приключения. И мистика, и хоррор. Ну, разве что в космос главный герой не летал, но с богами и их детьми общался практически на равных.

Если же написанная мною история выглядит порою сумбурно, то и это не моя вина. Такова вся наша жизнь — сумбурная и не предсказуемая. Исходя из вышесказанного, считаю своим долгом больше не задерживать читателя в предисловии.

Глава 1

С чего бы начать?

Всё как в банальной автобиографии, которая порой требовалась по жизни при приёме на очередную работу.

Немного о себе: Родился, крестился, учился...

Разрешите представиться: Александр Юрьевич Котов, и с самого детства с гордостью носил прозвище «Кот», да и потом на военной службе, позывной «Кот» прилип ко мне с небывалой лёгкостью. А я и не спорил никогда.

Родился я в тот год, когда сняли Хрущёва, и на трон воцарился на долгие года наш «дорогой Леонид Ильич». Причём я родился ещё при Никите, а осознал себя как личность уже при бровеносном орденоносце. Детский сад рядом с домом и школа на соседней улице. Что об этом рассказать? Жил как все. Как все среднестатистические советские люди. Родители у меня не бедствовали, но и не были богатообеспеченной элитой советского общества. Отец служил в милиции, а мама работала бухгалтером. В советские времена — это не были престижные и хорошо оплачиваемые профессии.

Кто-то мне скажет, что милиционер с погонами майора, а потом и подполковника — это и в те времена было круто. Но это не про моего отца. Он был честным бессребреником. Коммунистом в полном и правильном понимании этого слова. Фронтовик. Да и в милицию он пошёл после войны по комсомольской путёвке, так как не хватало правильных парней в то время для охраны общественного порядка в стране, восстанавливающейся после военной разрухи. За всю жизнь он так ничего и не нажил. Квартиру ему дали, когда родился я. Сестре моей к тому времени уже было десять лет. И жили они в комнате девятиметровке в коммунальной квартире барачного типа. Те бараки ещё немцы пленные строили. И уже когда я появился на горизонте, ему дали двухкомнатную квартиру в только что построенном хрущёвском доме. Правда, недалеко от центра Москвы, на Таганке. Но тогда, в те далёкие времена, это и не было центром как таковым. Да что говорить. Кузьминки это уже были деревня-деревней. Это потом, когда Москва раскинулась-расплескалась по карте, Таганка оказалась почти что центром. А тогда в начале семидесятых это был достаточно уютный район. Даже когда появилась станция метро Таганская-радиальная, вокруг неё были трёх-, двух- и даже одноэтажные домики. А в паре домов от метро один дом вообще был полностью деревянным. Там кстати жил один из моих одноклассников. В общем, жизнь была обычной, обыденной и неторопливой.

Я учился в школе, занимался спортом. Это тогда было доступно любому советскому школьнику. Я перепробовал много чего. Плавание, классическая борьба, бокс, самбо. Как говорил классик «наше всё» Александр Сергеевич: Мы все учились понемногу. Чему-нибудь и как-нибудь.

Плавание у меня было параллельно с музыкальной школой. Бросил и то и другое. В бассейн далеко было ездить. А чтобы идти в музыкалку, надо было переходить три улицы. Водить меня в музыкальную школу было некому. Я бы и сам справился. К семи годам я был вполне себе самостоятельным пешеходом. Но у родителей было другое мнение. Мальчика из соседнего дома сбила машина, когда он с сестрой шёл в эту самую музыкальную школу. Моя музыкальная карьера была решена. Запрещать и не пушать.

Как шутили пираты Карибских морей: Кому суждено быть повешенным, тот не утонет.

Под машину я всё-таки попал. Где-то между третьим и четвёртым классом. И всё лето потом прошагал на костылях с гипсом до колена. Машина меня слегка задела и отбросила на тротуар, когда мы с другом перебежали набережную реки Москвы.

Но это было много после того, как я прекратил занятия плаванием и музыкой. Несмотря на это, я с тех пор могу неплохо плавать. Хоть в солёной, хоть в пресной воде. Правда стиль плавания можно скорее назвать сажёнками, а не кролем. Но это не важно. Умею плавать, не тону, и ладно...

И азы музыкально образования я тоже успел освоить. Научился слегка бренькать на фортепьяно и тренькать на гитаре. Мастером не стал, но опыт музицирования так и остался на всю жизнь в моём багаже. Ноты знаю. Музыкальный слух и память есть. И это не раз выручало в жизни.

В секцию бокса меня привёл всё тот же друг. Дело в том, что в те добрые времена я тоже был добрым и спокойным мальчиком. Читал книги. Папа учил жить честно и жил бедно.

Но я осознал для себя, что добра и зла в чистом виде в принципе не существует. Есть объективная необходимость и целесообразность момента. То, что в одни века было добром, в другие времена считалось злом. И наоборот. Так было и будет. История струится по спирали. И всё повторяется вновь и вновь. Только слегка под другим углом.

Быть добрым в семидесятые годы оказалось плохо. Как говорится, доброта — хуже воровства. Добрые люди безнадежно глупы просто по определению. Они не способны даже просчитать последствия своих, как им кажется, добрых поступков. Ведь известно, что дорога в ад выстелена именно добрыми и благими намерениями. Из-за этого у меня частенько бывали проблемы. Нарывался я периодически. Ведь я верил в честное, доброе и светлое. А на улице и в школе нас всех подстерегали совсем другие понятия. Хотя это были ещё не те воровские понятия, по которым жила страна в криминализованные девяностые. Но драться приходилось периодически. И при этом присутствовал пока ещё какой-то дворовый кодекс чести. Типа: Лежачего не бить и т. д.

Вот я и нарывался на неприятности, и конечно иногда получал. Да и к тому же, был у меня определённый комплекс. Как в песне у Высоцкого: Бить человека по лицу Я с детства не могу.

Вот и я не мог. Но, как верно говорится в старой русской поговорке: Добро должно быть с кулаками.

Тогда-то и пришли мы с другом в спортивную секцию бокса. Прозанимался я там не очень долго. Но зато в памяти на уровне рефлексов навсегда оказалась «крепкая двоечка».левой, правой...

И всех своих обидчиков по одному я постепенно приучил к тому, что не стоит лезть ко мне с банальным:

— Пойдём! Выйдем!

Выходил. И...

левой, правой.

Всем хватало.

Мне, конечно, тоже доставалось иногда. Но кто из нормальных пацанов в детстве не ходил, освещая себе путь свежим фонарём под глазом.

Потом был кратковременный период классической борьбы. Не понравилось. Сама форма не понравилась в первую очередь. Да и борьба в партере без возможности

использовать все приёмы дворовых поединков тоже не нравилась. Слишком много правил и ограничений. Какие-то сплошные мужские потные обнимашки... Безжалостно бросил, не отзанимавшись и полгода.

Ну а уж потом в моей жизни было самбо. Или была? Если расшифровать самбо, то получается самооборона без оружия. Самооборона женского рода. И борьба — тоже женского рода. Значит, была. Но мы привыкли, что самбо и всё что оканчивается на «О» — среднего рода. Значит, было.

Да какая разница. Занятия самбо меня затянули надолго. К десятому классу дошёл аж до кандидата в мастера спорта. Мог бы и дальше идти, но тренер мне сказал, что я менее перспективный, чем другой парень из нашего спортклуба, но на год меня моложе. Тоже, кстати КМС. И настойчиво посоветовал (или почти приказал) мне «лечь» на первенстве Москвы под соперника, чтобы на союзные уже поехал более молодой одноклубник. Я вспылал и отказался. Победа принесла мне четвёртое место на Москве и окончание занятий борьбой самбо. Силы тогда во мне было как у того молодого бычка, что бодает всех подряд, и я ушёл заниматься каратэ.

О! Каратэ! После выхода «Пиратов XX века», который лично я посмотрел более десяти раз только в кинотеатре, это было не просто модно. Это было престижно. Несмотря на запреты сверху, несмотря на платные занятия. После самбо и бокса, я легко влился в сообщество любителей карате. Именно любителей. Так как профессионалов тогда в Союзе практически не было. Мы набивали костяшки на руках, долбясь в стены кулаками. Ломали доски и кирпичи на стройке. Оказалось, что наши советские кирпичи гораздо крепче, чем те, которые японцы разбивали в кино. Но нам было по фигуре. И не жалея себя мы молотили до посинения рук красные и белые кирпичи. Длилось моё ногомашество и рукодрыжество тоже недолго. Но почти до армии. В принципе недолго для вселенского масштаба, всего лишь один год без малого...

А дальше всё было просто. Учебные прыжки с парашютом в ДОСААФ. Военкомат. Учебка ВДВ. Афган. Про это можно говорить долго, но не всегда охота про это говорить. Хотя было много смешных, весёлых, и казусных ситуаций. Есть что вспомнить. Но было и то, что хотелось бы навсегда забыть и не вспоминать никогда-никогда.

Есть такое понятие в медицине — амнезия. Как Доцент в исполнении замечательного артиста Евгения Леонова говорил: Тут помню, тут не помню.

Что может быть лучше ретроградной амнезии? Забыл и забыл...

Прошлое порою, как каторжные колодки тянет ко дну самокопания и вызывает угрызения совести. Память... Тяжкий груз на сердце, не дающий возможности идти вперёд, не оглядываясь назад.

Как же это чудесно, просто взять и всё забыть. И плохое, и хорошее. Особенно плохое. Чтобы не просыпаться по ночам срываясь во сне в пропасть воспоминаний. Чтобы снова не собирать с брони остатки того, кто вчера с тобой ещё делил одну сигарету на двоих.

Но ближе к старости особенно не хотелось вспоминать хорошее. Именно из-за воспоминаний о счастливых моментах жизни создаётся ощущение, что жизнь летит под откос со страшной скоростью.

Парадокс: Препятствие не впереди, а позади нас. И то, что осталось в прошлом, мешает жить спокойно в настоящем и быть счастливым в будущем. Мы всё время сравниваем то, что было и то, что будет. И то, что будет, мне почему-то не нравилось. Так как то, что было, уже было. А то, что будет, таит в себе что-то неизвестное. И скорее всего это что-то будет хуже

того что было. Не зря в нашем псевдо коммунистическом прошлом нам так настойчиво навязывали слепую веру в светлое будущее. Ну и что? Сбылось? Хренушки.

И как на фоне этого верить в царствие небесное, что нам обещают после смерти? Проверить невозможно. Можно только тупо и слепо верить. Во что угодно. Лишь бы это обещало нам впереди покой и счастье.

Когда-то я прочитал какую-то древнеиндийскую мудрость. Первая часть изречения звучала банально, как тюремная татуировка: Нет счастья в жизни... Но вторая половина мудрости гласила: Ведь счастьем мы обычно называем избавление от несчастья. Во как! И всё сразу ясно и понятно. Было плохо. Стало лучше. Вот оно Счастье! Но это всё лирика...

Мы вернулись из армии практически в другую страну, в другой мир. И другими людьми. За время нашей службы произошёл тот самый знаменитый забег на катафалках среди высшей партийной элиты. Не было уже той советской атмосферы всеобщего братства. Теперь всё было наоборот. Закон джунглей. Человек человеку волк. Каждый сам за себя. А это сильно напрягало лично меня, видя абсолютную невозможность попасть назад, туда обратно, в те счастливые моменты жизни, когда жизнь казалась чудом расчудесным милым и прелестным.

Чего только не было в моей жизни после армии. Но всё как-то так быстро завертелось, закрутилось... Работа. Дом. Работа. Ещё один институт. Женился, развёлся, женился, развёлся... Кризис в личной жизни, работа в такси, мировой кризис, служба в правоохранительных органах, частная охрана. Чего только я не намотал на свою судьбу. Но сейчас ведь не об этом, правда?

Давно собирался вырваться со старыми друзьями в горы. Причём слово «старые» в обороте старые друзья, это не просто констатация факта того, что мы давно друг друга знаем. И я, и мои друзья реально старые. У всех есть дети, внуки, а у некоторых и правнуки. Почти всем в нашей компании под шестьдесят и за шестьдесят. Лично мне шестьдесят будет через год. И раз в несколько лет мы собираемся в горах Кавказа, чтобы тряхнуть стариной, ползая по скалам и опускаясь в пещеры.

В Абхазии для этого полно отличных мест. Причём таких, где не толпятся толпы начинающих альпинистов и спелеологов. В таких местах нам уже не комильфо. Гораздо интереснее забраться подальше, залезть повыше и спуститься поглубже.

И вот, наконец-то в этом году Макс умудрился собрать почти всю нашу старую команду. Почти всю... Иных уж нет... Как пелось в старой песне: «Нас мало. Нас с каждым годом всё меньше. И самое главное, что мы врозь...» Хотя... Кажется в песне были слегка другие слова, но смысл почти такой же.

А когда-то нас было около сотни. Юных воинов-интернационалистов ступивших на землю Афгана в 1982 году в составе отдельной гвардейской десантно-штурмовой бригады. Домой в Союз вернулось много меньше. Ну а после дембеля жизнь надолго разбросала нас по разным городам Советского союза, а потом ещё и по разным странам, в которые превратились бывшие советские республики.

Но ближе к новому веку Макс Смолин умудрился найти и собрать почти всех из тех, кто выжил тогда и смог выжить после развала Союза в девяностые. И оказалось что, несмотря на годы, прожитые в разных городах и разных странах, парни по-прежнему остались практически теми же весёлыми раздолбаями, что и были тогда в горах Афгана. Не все оказались легки на подъём. Многих сильно тяготил груз семейного быта и проблемы финансового плана. Собраться и посидеть в ресторане будь то Москвы, Питера, Новосибирска или Арзамаса было ещё вполне достижимой целью для постаревших «десанщиков тире парашютистов», как нас глумливо называл наш замполит. Но Максу было этого мало. И он начал устраивать более экстремальные встречи. На них уже стали приезжать не все. Но всё же костяк из опытных старпёров образовался. И вот сейчас я ехал на встречу в своём РАВ-четвёртом и слушал музыку.

Горная дорога. Серпантин. Одно из тех мест, где ещё не спрямили горные тропы и не понастроили прямых мостов и эстакад. Ночь. Или, скорее всего поздний вечер. В горах это понятие почти неразличимо. Всё зависит от того, с какой стороны находится Солнце, и где в это время находятся горы. С одной стороны гор может быть ещё вечер с красивым закатом, а с другой уже ночь. Это по ощущениям, а не по часам. А мне всё равно. Я еду...

В магнитоле играет мой музыкальный сборник из попсы и рока. Временной период сборника примерно с восьмидесятых по двухтысячные. Я сам себе делаю такие сборники. Сперва скачиваю с интернета много-много разного разнопланового материала в мп-три, и гоняю в автомагнитоле, пока не надоеет. Постепенно понимая, что нравится, а что и надоедает сразу же после первого прослушивания. Стираю поднадоевшее и добавляю, что-то свежее. Так постепенно сборник сокращается и превращается в качественную подборку того, что уже не надоедает. Потом я komponую так, чтобы один и тот же исполнитель не звучал

сразу два раза подряд. Чередую медленные и быстрые композиции. У меня есть такие сборники и с нашей, и с зарубежной музыкой. А есть и своеобразный микст, где есть и импортное, и наше вперемешку. Получается примерно по триста-четыреста песен на диске. Неплохой фон для дальних поездок.

Но не сегодня.

Выскочивший на дорогу перед самым капотом олень... Не, не пьяный фуфел из соседнего аула, а реальный олень. С рогами и всеми остальными причиндалами, что положено иметь реальному оленю. Не то что бы я испугался, но не без этого. Руки сами по себе совершили попытку выкрутить руль с целью ухода от столкновения.

Меня так учили. Стараться избегать аварии. До последнего стараться. В любой ситуации. Стараться избежать столкновения, кто бы ни был виновен в создавшейся аварийной ситуации. Меня так учили...

Зря. Надо было просто его сбить. Чёрт с ним, с оленем. И чёрт с ним с капотом радиатором, лобовым стеклом и прочим импортным железом и пластиком, который мы так высоко ценим и любим.

Избежать аварии не удалось. Машина снесла пару бетонных столбиков отделяющих асфальт от пропасти. А потом небо и земля стали быстро и часто меняться друг с другом местами.

Удар.

Тьма.

Всё...

Или не всё?....

Ощущения странные.

Я лечу. Плыву. Нет. Меня просто нет. Или есть....

Нет боли. Нет ничего вокруг. Или есть?

Есть. На лице что-то мокрое. И музыка...

Моя музыка. Мой сборник. Я его знаю наизусть. Я знаю, какая песня будет следующая. Я знаю, что играло до этого.

Слышу? Значит жив. По крайней мере, пока ещё жив...

Глаза с трудом разлепляются. Свет не бьёт в глаза.

Вечер. Сумерки. Тёмные густые липкие сумерки. Музыка. Я не могу пошевелиться. Меня придавливает к разломанному сиденью какое-то смятое железо... А вот и нет. Это сиденье прижимает меня к крыше. Машина вверх колёсами. Я не чувствую ни рук ни ног. Я лежу в какой-то невообразимой позе и не могу пошевелиться. Всё, что ниже шеи не чувствую напрочь. Головой могу чуть-чуть пошевелить вправо... и влево. Больно, где-то за левым ухом. Музыка... Музыку я слышу... Музыка продолжает играть. Час за часом. В голове шумит всё сильнее...

Когда диск по второму разу начался сначала, я растворился в темноте и перестал воспринимать звуки и проникающий сквозь слепленные ресницы сгустившийся сумеречный свет. Где-то в глубине сознания всё продолжала звучать до боли знакомая музыка. Повторяясь вновь и вновь. Но звучала она уже тише. И как бы более протяжно.

Наверно садится аккумулятор.

Какие глупые мысли...

Я себя не чувствую, а тут аккумулятор какой-то...

Хорошо, что проводка не замкнула и не подожгла бензин. Вон его сколько натекло. Я чувствую запах...

О!... Я чувствую — значит существую...

Но почему я не могу пошевелиться. Думать о плохом не хотелось. Отсутствие чувствительности ног и рук говорило лишь о том, что повреждён позвоночник. Причём его шейный отдел. А это плохо. Очень и очень плохо. Но голова работает, хоть и с перебоями. Зрение подводит. Плохо видно. Или это мне глаза чем-то залило. Кровь? Бензин? И то и другое, всё вместе....

Я чувствую сильный запах бензина. Он везде...

Да какой к чёрту запах. Вонь! Дикая вонь пропитала всё вокруг. Лишь бы не коротнула проводка. Любая искорка, и пары бензина...

Да, мля...

Мысль материальна.

Вспышка света резанула по глазам, несмотря на залепленные кровью и грязью веки.

Запах палёного мяса дошёл до моего мозга чуть раньше, чем треск горящих волос... и боль...

Я не чувствовал своё тело от шеи и ниже. Но горело всё. И когда я понял, что горит моя голова, лицо, уши и глаза... я почувствовал боль... БО-ОО-ОЛЬ!!

Но сознание померкло почти что сразу. То ли дым, что заполнил мои лёгкие, то ли сердце просто перестало качать кровь по венам и артериям...

Последнее что я слышал в своей жизни, был Джим Моррисон, просивший зажечь в нём огонь.

Doors — Light My Fire

Боль!

БО-ОО-ОЛЬ!!!

Боль вернулась везде и сразу. Болело всё тело. Болело и внутри и снаружи. Везде...

Всё тело? Последние часа три я не чувствовал своего тела ниже плеч. Теперь же дико, до крика, болел живот. Левая нога. Правая рука. Голова. В глаза бил яркий солнечный свет.

Свет? Солнечный?

Была же ночь. И я... Я горел. Горел вниз головой в разбитой вдребезги машине. А сейчас?

А сейчас вокруг меня зелёная листва. Много листьев. И я... Я на дереве. Смотрю вверх. Лёжа полубоком, на спине. Нет не лежу. А это... Висю, вишу... И дерево во мне... Кусок толстой обломанной ветки торчал у меня прямо из живота. И я как грёбанная бабочка на грёбанной булавке... Кровь вокруг раны уже изрядно пропитала моё платье...

Платье? Моё?

Чё за бред?...

Я снова потерял сознание...

Сирена. Какая-то странная сирена, как в старом кино. Машину потряхивает на кочках... Или на ямках... Машина? Это скорая помощь? Почему тогда потолок такой низкий? Это легковая машина? Несмотря на затуманенное сознание, пытаюсь осмотреться. Стекла машины замазаны чем-то белым. Рядом сидит толстая тётка в белом халате. От попыток вертеть головой мне становится хуже. Слабость во всём теле. Всё плывёт перед глазами. Я снова теряю сознание...

Голос словно пробиваясь сквозь туман сознания.

— Девочка. Примерно 12 лет. Падение с высоты...

Перелом левой ключицы...

Перелом большой берцовой кости со смещением...

Множественные гематомы. Поверхностная травма волосистой части головы. Закрытая черепно-мозговая травма. Очевидное сотрясение головного мозга...

Проникающее ранение брюшной полости. Возможны повреждения внутренних органов...

Большая кровопотеря...

Группа крови четвёртая...

Состояние тяжёлое...

Сознание болталось как корабль на волнах. Вверх-вниз, вправо-влево... Туда-сюда...

Я буквально плыл куда-то, попутно ощущая, что меня крутит, вертит. Меня куда-то тащили. Поднимали. Опускали, поворачивали. Боль притупилась, лишь иногда пронзая тело разрядами неведомого тока. Я терял сознание, снова возвращался. Но всё было в тумане. Сплошной сумбур. Даже речь людей вокруг меня я воспринимал, как: Бу-бу-бу... И не более. А людей вокруг было много. То одни, то другие. Я ощущал смену декораций вокруг себя, но себя практически не ощущал, периодически проваливаясь куда-то в бездну...

Меня резали и зашивали, кололи и штопали. Первые пару недель я практически провёл в наркотическом полусне. Чем меня кололи и пичкали, я проконтролировать не мог. Но понадеялся на врачей и доверился им. Несмотря на все полученные раны, я выжил. Сломанная ключица закована в гипс. При этом рука притянута к телу. На ноге тоже гипсовый кокон. Живот и спина покрыты швами, довольно грубыми на вид. Правда их не видно под бинтами и наклеенными салфетками. Но я видел швы во время перевязок. Жуткое зрелище. Мне много чего вырезали. Правда, насчёт подробностей проделанных операций меня не просветили. Но я подслушал разговор доктора с медсестрой. Половина разговора велась на латинских медицинских терминах. Но как я понял, мне удалили практически все органы по женской части.

Да-да. Я теперь женского полу. Но мне уже никогда не стать полноценной женщиной. Так как ни матки, ни остального нет у меня больше. Как и раньше не было. Так что я теперь не рыба, не мясо. Не мальчик и не девочка. Про это тоже я узнал, кстати. Перед тем как меня уронить (сбросить) с девятого этажа, кто-то изрядно позабавился с моей девственностью. Ко мне приходил по этому поводу милицейский следователь. Пришлось рассказать ему всю правду. Я ему так и сказал: Ничего не помню. Ни кто я. Ни как меня зовут. Ни откуда я взялся. Ни что со мной произошло.

Честное слово. Мне было легко это говорить. Так как я так и не смог достучаться до хозяйки этого тела. И для меня самого было большой тайной, что же всё-таки произошло на самом деле. А про то, что я почти шестидесятилетний мужик, я предпочёл следователю не упоминать...

И снова всплыло заветное словосочетание: Амнезия. А уж какая амнезия — ретроградная или диссоциативная, а может и ещё какая бяка, это пусть врачи разбираются. Я-то тут причём. Мне сейчас лет двенадцать, не больше. Это медики определили по общему физическому и физиологическому развитию. Судя по всему, меня и раньше били. На теле есть шрамы, а на рентгеновских снимках выявили следы прошлых переломов.

Следователь всё пытался выяснить, как меня зовут. Дело в том, что при поступлении в полубреду от потери крови, на вопрос фельдшера я ответил, что меня зовут Саша и потерял надолго сознание. А после, уже уяснив окончательно, что я уже не я, стал говорить всем, что ничего не помню. С тех пор меня все называли Сашенькой, а я не протестовал, так как другого имени у меня пока не было.

Так что теперь я, как принято в Америке — Джейн Доу. А по-нашему — неизвестный(-ая). Либо менты всё-таки докопаются до моего нынешнего настоящего имени, либо придумают что-то новое.

Интересно, а как меня здесь зовут на самом деле?

Прошло примерно два месяца. Мне было уже так скучно, что я перечитал все газеты, какие попадались мне в руки. Я уже давно выяснил, что здесь идёт 1969 год. Август. Конец лета. Я в Москве, в больнице недалеко от Пролетарки. Скорее всего, это 13 ГКБ. Не знак пока, какой номер эта больница имеет сейчас.

Уже пытаюсь вставать, но с загипсованной ключицей пока что неудобно пользоваться двумя костылями. А с одним костылём далеко не ускачешь. Но обещают скоро снять гипс. Заживление идёт семимильными шагами. Молодой растущий организм. Правда, организм этот сильно похудел. Только пару недель назад меня перевели с диеты «ноль» на диету № 1.

Я уже на стену лез от жиденьких бульонов и пресных киселей. Но врачи были непоколебимы в желании вылечить меня согласно каким-то там инструкциям и строго их соблюдали. Со стороны я, наверное, напоминал скелет обтянутый кожей. И к тому же с наголо остриженной головой. Хотя за прошедшее время волосы уже стали отрастать неопрятным ёжиком. Волосы были непонятного пепельно-седого цвета. Но не седые, а как бы белёдые. Возможно это какой-то оттенок блондинистого цвета.

Но всё же лечение приносило свои плоды. Я очень хотел уже выбраться из больницы и ходить своими ногами. Кожа сильно чесалась под гипсом. Да и скука смертная достала. Видимо для того, чтобы мне было не скучно, ко мне ещё пару раз заходил следователь. Но снова нарывался на мои: «Не помню. Не знаю.» Следователь уже и не надеялся на получение хоть какого-то результата. А я уже стал опасаться, что после снятия гипсов и полной реабилитации, меня переведут в психушку. Хотя... Хрен его знает. Я вроде бы всё понимаю, всё соображаю. Только себя вот совсем не помню. Возможно, определяют в какой-нибудь специальный детский дом. Тоже вроде бы не хотелось такого сценария. Клеймо психа потом на всю жизнь...

Что мне делать дальше? Я не знаю. Я уже понял, что произошёл непонятный и мне, и современной науке «попадос». И теперь я — пападанец.

Пападанец. Дурацкое слово. Для меня уже вполне привычное, так как литературы с героями попаданцами я уже немало прочитал и в бумажном исполнении, и прослушал в виде аудиокниг. Аудиокниги так же приятно отвлекают от долгой и утомительной дороги во время автомобильной поездки, как и музыка. Куда только не попадали наши люди благодаря фантазии писателей. И в начало Великой отечественной войны, спасая страну от гитлеровского нашествия, и в царское время, выигрывая Русско-Японскую войну и предотвращая все революции разом. Чаще всего герой-попаданец перемещается своим сознанием в тело какого-нибудь исторического деятеля. В Александра Третьего или Николая Второго. Иногда в барона или другого какого дворянчика. Но после снова к царю на приём. И опять спасает страну. От чего? От истории.

Много наших уже перебивало и в средних веках, и в мире фэнтези. Наши люди там ловко бьются на мечах и рубят направо и налево орков, эльфов, гуннов и мавров. И трахают всех подряд принцесс и королев.

Ещё одна излюбленная тема — попасть в поздний СССР и спасти его от развала. Или и не совсем поздний. Ну, короче... Ломятся все на приём к Сталину, Хрущёву, Брежневу, Андропову... Или наоборот свергают Хрущёва, Брежнева, Андропова и Горбачёва, ставя на их место Шелепина, Машерова или даже самого себя. Фантастика, однако...

Ага. А то, что я сейчас лежу весь зашитый и загипсованный в 1969 году — это не фантастика. А ещё я — маленькая девочка. Да... И уже не девочка... И уже не совсем чтобы маленькая.

Времени на «подумать» было выше крыши. По крайней мере, выше той, с которой меня скинули. Или я спрыгнул (спрыгнула) от горя с той крыши после того, как меня изнасиловали и избили. Кто знает?

Но мне это ещё предстоит узнать. И я совсем не пацифист. Так что прощать то, что со мной сделали, тем, кто со мной это сделал, я не намерен. Даже если это сделали не со мной, а с той маленькой девочкой. А я теперь и есть эта маленькая девочка. Блин горелый. Так и вправду кукушка уедет искать себе новое гнездо, а гуси навсегда улетят с моего чердака... Что-то я разнервничался...

Я не знаю, что буду делать дальше. Сначала, конечно, надо утвердиться в этом времени. Понять кто я. А уж потом и думать как жить-быть дальше. Но одно я знаю точно. Я не полезу спасать страну и вершить большую политику. Если это мой мир или точно такой же, с такой же исторической линией, то буду просто жить в своё удовольствие. Заработаю денег. Заработаю, найду, украду... (Нужное подчеркнуть). Моральные принципы меня как-то мало волнуют почему-то...

А то, что этот мир очень похож на мой, я понял, перечитав все газеты, что попадались мне под руку. Бровеносный Ильич бодрый и молодой правит Советским союзом и в ближайшее время никому не собирается передавать бразды правления. Насколько помню, он будет властвовать ещё до 10 ноября 1982 года. Если кто не знал — это будет день его смерти в том, моём мире. Именно тогда нас в части с утра пораньше подняли по боевой тревоге, а потом уже днём построили на плацу и зачитали нам сообщение о его кончине. Никакой скорби ни тогда, ни сейчас я об этом событии не испытывал и не испытываю.

Ладно, с этим позже будем разбираться. А пока надо подумать, как выйти из своего бедственного положения с наибольшим профитом для себя. До совершеннолетия мне ещё лет шесть или семь копить. Но уже сейчас пора подумать: как жить и на что жить. Так как никто ещё в виде рыдающих родителей не заявился в больницу, значит, их у меня нет. Или они где-то так далеко, что не смогли меня отыскать в одной из самых крупных московских горбольниц.

Если пропадает ребёнок... А я пока ещё числюсь именно в их рядах. Так вот, если ребёнок пропадает, то плачущие родители обрывают телефоны всех больниц и моргов в поисках своего дитяти. За два месяца уже опознали бы раз пятнадцать мою неопознанную тушку. А раз никто так и не появился на пороге моей палаты, то значит, что я на фиг пока что никому не нужен.

А почему? Непонятно. Вроде бы в это спокойное для страны время в СССР все дети были строго учтены. Не считая родителей, детей контролировала ещё и школа. И пионерская организация, и комсомол... М-м... В комсомол принимают с четырнадцати. Так что комсомольцы меня искать вроде бы пока не должны.

Ладно. Допустим. Лето. Я сюда попал в июне. Сейчас август. Где мог потеряться ребёнок летом? В пионерском лагере? Вряд ли. Давно бы уже шухер поднялся бы. Караул! Из пионерлагеря сбежал ребёнок! Ищут пожарные, ищет милиция. Это цитата, если кто подзабыл творчество детского писателя Маршака.

Теперь о побеге из пионерлагеря. В моей прошлой жизни у меня был такой эпизод. Кстати, примерно в таком же возрасте. Отправили меня родители в лагерь сразу на пол-лета. А мне там показалось не комфортно. Подрался я там с местным пионерским активом. Не сошлись мы с ними во взглядах. Те ещё суки и стукачи оказались. И после той драки мне явно светило немало люлей от лагерного руководства. Недолго думая, я сделал ноги через забор. Прошёл немного лесом-лесом. Вышел к деревне. Сел на автобус. Дядька какой-то мне даже двадцать копеек на билет дал. Я что-то наплёл там ему. Не помню уж что.

Короче. Пока я добрался до дома. Автобус. Метро. И трамвай на халяву пару остановок. У дома меня уже поджидал отец с ремнём и старший пионервожатый. В лагерь я так и не вернулся. Но опыт побега у меня остался. И то, что взрослые на исчезновение ребёнка

реагируют очень быстро и оперативно — я усвоил. Так что тут такой случай не прокатит. Давно бы уже кто-нибудь пришёл бы сравнить моё фото с оригиналом.

А моё фото наверняка где-то да есть. Должно быть. В любой школе каждый год приходит дядька с фотоаппаратом и снимает классы на память. Здесь в больнице меня тоже мент снимал на фотоаппарат. Ну, тот самый следователь, что выслушивал мои вечные заклинания: Не помню и не знаю. Правда лысая мордочка в синяках вряд ли очень была похожа на фото школьницы-отличницы, но всё-таки...

Я себя очень внимательно разглядывал в зеркале уже раз несколько. Ничего так мордашка стала после того, как синяки сошли. Черты лица правильные. Нос прямой. Губы розовые. Скулы впалые. Глаза зелёные. Не большие и не мелкие. Обычные глаза. Слегка с хитринкой. Или это я так сам себе в отражении шурюсь? Ёжик волос, торчащий в разные стороны. Волосы блондинисто-пепельные. Как в песне: На-атуральный блондин. На всей Земле такой один... Тьфу ты, не к ночи будет певец упомянут.

Так почему же меня никто не нашёл ещё. Может потому, что никто и не ищет.

Гром грянул в сентябре.

День не предвещал никаких изменений. Обычный будний день. Сентябрь. Середина недели. Лежу. Никого не трогаю. Листаю свежую газету. На этот раз это «Советская культура». Ничего интересного для себя не нахожу. Очень много места отведено для статей о нашей многонациональной культуре. Статья про художников Башкирии. И вот... Снова про Башкирию «Слово о сыбызгы». Это ещё что такое? Читаю: «Никому не ведомо в точности, когда и где появился этот инструмент...» Ещё бы знать, как он выглядит этот инструмент, так как фото его не приложено.

И в это самое время открывается дверь в нашу палату. Заходит мой «знакомый» следователь и дородная дама с высокой причёской на голове. Дама дежурно и фальшиво улыбается и говорит, обращаясь к милиционеру: «Да! Это она.»

А потом уже глядя на меня сверху вниз, как на что-то мерзкое и отвратительное:

— Ну, здравствуй, Инга!

Немая сцена...

Инга? Я?

Офигительно!...

— Женщина! Вы, кто? Я Вас не знаю!

Мадама смотрит на меня. Долго так смотрит. А потом глубокомысленно произносит, снова обращаясь к менту:

— Странно... Она не врёт. Я уже двадцать лет работаю с детьми и точно знаю, когда они врут, а когда нет...

А потом снова, глядя мне пристально в глаза:

— Деточка! Ты не помнишь меня?

Её грудной с надрывом голос сочится клейким елеем. Но мне даже и не надо притворяться. Эту рожу, я реально раньше не видел. Ну, или не помню:

— Нет, не помню... А должна?

— Должна, должна... — бурчит дама.

— Почему?

Лицо этой, явно облечённой властью дамочки краснеет от прилива крови, и она тщательно выговаривая каждое слово, почти кричит мне в лицо:

— Да, потому что ты воспитываешься в нашей школе-интернате для детей-сирот. И ты уже пять лет, как пьёшь мою кровь, поскольку уже в третий раз сбегал от нас.

— Я ничью кровь не пила. А Вас, гражданка, я вижу в первый раз.

— Да, ты...

— Товарищ милиционер, а почему эта тётя на меня так орёт? И позовите, пожалуйста, доктора. У меня от её крика голова просто кружится и в ушах звенит.

Я закрываю глаза и откидываюсь на подушки. Притворяться даже особо и не надо. От волнения вызванного внезапным приходом этой парочки, у меня действительно пульсирует в голове и красные круги под закрытыми веками превращаются в хоровод.

Тук-тук... Стучит в висках. Тук-тук... Ничего не слышу...

Как просто всё получается. Захотел и сознание отключилось...

Очнулся я, когда мне стали под нос совать ватку с нашатырём.

— А? Что?

— Тихо! Тихо... — медсестра ласково шептала мне. — Тихо.

Ни мордатой тётки, ни сотрудника в серой форме не было в палате. В коридоре были слышны разговоры на повышенных тонах. Похоже, там наш главврач распекал рьяных посетителей за некорректное обращение с больным ребёнком.

А мне надо подумать. Срочно подумать. Много так подумать.

Похоже, что я и вправду «Инга». Уж больно уверенно вещала здесь эта педагогическая гримза. О том, что она какая-то училка, было видно сразу. По одежде, по причёске. Педагог со стажем. Такая взглянет на ребёнка, а у дитятки уже лужа от страха под ногами. Опытная тётка. Тёртая. И скорее всего она не только педагог, но и руководитель. Директор школы или типа завуч. Я уж не знаю, какая там у них иерархия нынче. Правда, на меня её взгляды не особо подействовали. Возможно, я ещё не знаю всех её возможностей и власти надо мной и другими детьми.

Но пока мне хорошо. Ведь до тех пор, пока я ничего не помню, хрен меня отсюда отпустят. А тем более у меня ещё и гипсы не сняты на руке с ключицей и на ноге. Но всё

равно. Надо что-то делать. Надо думать. Сильно думать. Потому что попадать (возвращаться) в школу-интернат в лапы к этой «доброй» тётеньке мне совершенно не хотелось. Надо бы получить побольше информации о том, кто я и что я...

Вечером меня посетил незнакомый врач. Как я понял, скорее всего, психиатр. Или что-то вроде этого. Хотя всё-таки наверное психиатр. Или как там правильно? Вроде бы пока психологов и психотерапевтов ещё не предвидится на горизонте. Хотя откуда я знаю. Я что, медик что ли?

Маленького роста. В очках. С большими залысинами, плавно переходящими видимо в плешь. Весь какой-то помятый. Он совсем не вызывал расположения к себе. Да и разговор получился странный. Явно меня пытались «прощупать» на предмет того вру я или нет. А я что? Я не вру. Ведь я правда ничего не помню. А то, что я помню из другой, прошлой жизни, знать никому не нужно. Ибо тогда меня точно законопатят по самые гланды в какую-нибудь закрытую спецлечебницу.

— Здравствуй! Меня зовут Николай Семёнович. Я — врач.

— Психиатр?

— Не совсем. Я психолог.

— А я читала, что у нас нет такой профессии — психолог.

— А где ты читала?

— Не знаю. Я здесь уже больше двух месяцев и перечитала практически всё, что попадалось под руку. Газеты, книга, журналы. И по медицине тоже. Не всё поняла. Но...

— И всё-таки, давай поговорим не об этом. Как тебя зовут?

— Тут какая-то тётка приходила. Сказала, что меня зовут Инга. Но мне кажется, что она врёт. А тут, в больнице, все называют меня Сашей... Сашенькой... А что? Мне нравится.

— Но по документам ты Инга. Ингрид Ромуальдовна Котти.

— Ого? Как изошрённо. А мне не нравится. Мне кажется, что Саша, Сашенька Александра или даже Сандра — гораздо лучше.

— Когда тебе исполнится 16 лет, и ты будешь получать паспорт, ты сможешь поменять и имя, и фамилию, и даже отчество.

— Скорей бы шестнадцать исполнилось. А сейчас мне сколько?

— Сейчас тебе двенадцать лет.

— Но я не помню никакой Ингрид.

— Это временно. Амнезия проходит. Особенно если ты вернёшься туда, где ты жила до этого.

— К этой крикливой тётке? Ни за что!

— А почему? Ты чего-то боишься? Тебя там обижали?

— Где?

— В школе-интернате.

— Я не помню никакой школы, никакого интерната. Но всё равно не хочу.

— А куда ты хочешь?

— Я не знаю... А можно вопрос?

— Можно...

— Я попала сюда в больницу в июне, а сейчас начало сентября. Почему эта тётенька только сейчас стала меня искать?

— Нонна Игнатъевна...

— А... Так её зовут...

— Не перебивай старших. Да. Нонна Игнатьевна это директор школы-интерната в котором ты жила...

— Не помню...

— Так вот. В школе думали, что ты поехала со всеми в лагерь, а в лагере считали, что ты осталась в школе.

— Как интересно. А у них что, детей толпой в лагерь отправляют без списка и не пересчитав по головам. Как стадо баранов. Хотя нет. Тех считают.

— Не хаами!

— Я... не хамлю. Я просто не помню ни школу, ни лагерь.

— Ну, вот, видишь. Когда ты попадёшь в привычную для тебя атмосферу, ты вспомнишь и примешь себя и свою жизнь.

— Куда вернуться? Туда, где меня изнасиловали и сбросили с крыши девятиэтажного дома.

— Ты что-то вспомнила?...

— Нет. Врачи болтали. А у меня слух хороший.

— Ну, про изнасилование я ничего не знаю. Может, и не было ничего такого.

— Ага. Я сама в себя что-то запихнула, а потом с крыши спрыгнула, да? Слышь, дядя, как бы врач... Фантастика в магазине продаётся на третьем этаже.

— Успокойся!

— Да я спокойна, как танк.

— Какой танк?

— Железный.

— Почему ты так со мной разговариваешь?

— А как я должна разговаривать?

— Вежливо.

— А я не знаю, как надо. Я не помню, как это — вежливо. Я стараюсь вспомнить, но мне всё время приходится напрягать голову. А это больно.

— У тебя что, опять болит голова?

— Всегда. Особенно когда ко мне лезут всякие... со всякими вопросами.

— Прекрати хамить?

— А то что? Ударишь?

— Почему ты мне тычешь?

— А ты кто такой? Я тебя не знаю.

— Я же сказал. Я — врач.

— Это слова, и только.

— Ты не понимаешь...

— Не-а. Не понимаю. И не помню. И не знаю. Что вам всем от меня надо? — я начинаю повышать голос.

— Чтобы ты вспомнила и рассказала всё, что с тобой случилось на самом деле.

— Я не помню! Я НЕ ПОМНЮ!!! — срываясь на крик, я как бы задыхаясь рву воротники пижамы на груди. Падаю на кровать и подвывая продолжаю: — Я не помню... Я не помню... Я не...

В палаты начинают забегать какие-то люди. Я стараюсь не смотреть ни на кого. Мужика от меня оттесняют. А меня хватают за руки, прижимают к койке, что-то колот в

плечо, что-то говорят. Что-то... чего я уже не слышу. Не вижу. Не помню...

В начале октября меня стали готовить к выписке. Гипс сняли и с ноги и с руки. Синяки давно сошли. Швы зажили. Хотя мой впалый живот больше всего напоминал военный полигон, по которому в резные стороны проехало несколько танков. Но швы зажили и ладно. Не заживала только рваная рана на душе.

Я уже знал, что меня будут возвращать в школу-интернат. А, что? Все документы у них правильные. Я — Инга. Уже даже стал откликаться на это имя. Врачи говорили, что когда я вернусь обратно в школу, то я всё вспомню.

Нога срослась хорошо. Я уже прыгал по больничным коридорам на одном костыле. Так как вторая рука тоже после гипса ещё только восстанавливалась. Больно уже не было. Была какая-то скованность в движениях. Будто это не моё тело.

Блин горелый. А это и так не моё тело. Как в фильме «Аватар». Один чел лежит в капсуле без сознания. И в то же самое время в виде трёхметрового синего гиганта бегают по разноцветным джунглям. Только у меня наоборот. Стокилограммовый мужик-старпёр под метр девяносто оказался в аватаре девочки полтора метра ростом и весом сорок килограмм с ботинками. Хотя какие сорок? После операций и больничных диет, дай бог чуть больше тридцати кэгэ. Да. Видимо мне придётся учиться ходить заново. И учиться заново пользоваться руками и всем остальным телом

И всё же... Куда же делась девочка? Неужели, в самом деле, умерла тогда на дереве?...

Как гром среди ясного неба... Нет, наоборот... Откуда-то изнутри сознания. Прямо в моей голове:

— Я здесь!...

Немая сцена. Я замер на кровати, переваривая происходящее. Пока ещё плохо понимая, показалось мне или я что-то услышал...

— Я здесь! Эй!

— Инга?

— Вы кто?

— Инга?

— Я-то Инга. А вы-то кто?

— А я Саша.

— Это я уже и так поняла. Я вообще про Вас всё уже знаю. Но что Вы делаете в моей голове?

— Слушай, раз так случилось, то давай на ты!

— Хорошо. Ну, так что ТЫ делаешь в моей голове?

— А я не только в голове. Я везде.

— Но ка-ак?

— А я и сам не знаю. Есть, конечно, много всяких версий, но... Нет. Правда. Сам не знаю. А почему ты никак себя не проявляла на протяжении больше трёх месяцев.

— Я потерялась. Я всё забыла. Я даже не понимала кто я. Я думала сначала, что я — Саша. Но потом поняла, что Саша это ты. А когда я поняла, что я не Саша... Я по-прежнему не понимала что происходит. И... Я не помнила кто я...

— Это называется амнезия. Временная потеря памяти.

— Понятно... А теперь... Я вспомнила.

— Что вспомнила?

— Всё вспомнила. Всё, что было со мной. Всю свою жизнь.

— Расскажешь мне... А то, как то неловко получается... Ты про меня всё знаешь, а я про тебя нет.

— Но это же не я к тебе в голову залезла, а ты ко мне.

— Я не хотел.

— Не поверишь... Я тоже не хотела.

— И всё же... Раз уж так получилось... Расскажи мне о себе. И желательно поподробнее.

— А подробности тебе зачем?

— А затем, что мы теперь вместе. И сколько нам вместе жить-быть я не знаю. Учитывая ситуацию, в которой мы оказались, я хочу помочь тебе.

— Чем?

— Всем. Знанием. Опытom. Навыками.

— А мне-то что с этого?

— Ну, во-первых: Ты хочешь отомстить?

— Кому?

— А всем. Всем, кто тебе сделал плохо в твоей жизни.

— Хотелось бы, но...

— А во-вторых: Я смогу помочь тебе и нам сделать свою жизнь лучше.

— Лучше чем когда?

— Лучше чем сейчас. И гораздо лучше, чем у большинства жителей этой страны.

— Это как?

— А так. Ты же поняла, что я знаю, что будет там, в будущем?

— Поняла.

— А я примерно знаю, как мы сможем это знание использовать нам на пользу.

— Хм... Примерно?...

— Да. Пока примерно. Так как нам надо ещё выбраться из этого дерьма, в котором мы сейчас по уши.

— Не выражайся при детях! Хы...

— Ладно. Ты этот словарь, небось, не хуже меня знаешь.

— Знаю, конечно. Ладно. Проехали. Говори как есть.

— Вот я и говорю... Думаю, что нам надо только договориться об одном...

— О чём.

— О том, что всё, что мы делаем или будем делать — это только наше. Есть мы, и есть все остальные. Надеюсь, ты не будешь жалеть наших врагов.

— Да я их зубами грызть буду...

— Вот и я тоже. Дело в том... Да ты уже знаешь, наверное. Я прошёл такую школу жизни, что...

— Знаю. Я первое время спать не могла, когда увидела тех солдат... ну, тех, что гранатой...

— Да, я понял, о чём ты.

— И отрезанные головы... Бр-рр...

— Хм. Я тоже так могу...

— Научишь?

— Научу, конечно...

— ...

— Ладно. Хватит шутки шутковать. Так ты расскажешь мне обо всём.

— А мне теперь и скрывать то нечего. С чего начать?

— С начала. Семья? Мама? Папа?...

— Мне будет больно...

— Мне тоже. Но есть такое слово «Надо». Надо здесь и сейчас. Я буду знать всё про тебя. А ты всё про меня. И мы вместе будем одно. Я — это ты, а ты — это я. И мне кажется, что на этом свете я один из тех немногих, кто не желает тебе зла. А может и единственный твой друг на этой Земле.

Инга вздохнула, и как бы собравшись с силами начала свой рассказ.

— Только не перебивай. Некоторые моменты мне очень тяжело вспоминать. Лучше потом переспроси, а то я собьюсь и... С чего начать?...

Я родилась в цирке. Причём это правда. Мама с папой ехали на гастроли. Мама уже была на девятом месяце. Но у цирковых артистов никто не спрашивает когда и куда. И хотя... Я опять сбилась. Начну с другого...

Меня зовут Инга. Игнрид Ромуальдовна Котти. Родилась 4 апреля 1957 года. Моего папу зовут... звали Рома, Ромуальд Котти. Он был цирковым артистом. Воздушный гимнаст. Мама тоже раньше была гимнасткой, но после моего рождения у неё были проблемы со здоровьем, и она уже стала костюмершей. Но тоже в цирке. А у папы появились другие гимнастки в группе... Но мама и папа были вместе до последнего момента...

Я опять сбилась. В общем так. Я родилась в цирке, в цирковой семье. И если бы всё пошло так, как надо, то я тоже уже сейчас была бы цирковой гимнасткой. Папа с детства меня к этому готовил. Я не боялась высоты и лазила по верёвкам под куполом цирка. Правда, со страховкой. Папа к этому был очень строг. А вообще он был очень добрый... Но когда это не касалось цирка и всяких верёвок. Он говорил, что ещё год-другой и я выйду вместе с ним на арену...

Мне было примерно шесть с половиной лет, когда родители погибли. В машину, на которой мы ехали, врезался поезд. У нас была машина, Москвич. Не такой как делают сейчас, а старый. Похожий на маленькую Волгу. Двадцать первую. Которую Деточкин угонял в кино. А Москвича старого папа купил у одного фокусника, который покупал уже нового Москвича. Такого, более квадратного. Папа так радовался. Что ему повезло так дешево купить машину и без очереди. Фокусник тот очень богатый. Сразу взял себе новую машину.

Папа умел водить машину, но наверное, плохо. Я помню, что была поздняя осень, почти зима. Было много снега. Мы переезжали через рельсы. Там не было никакого шлагбаума. Просто горели огоньки. У папы машина забуксовала прямо на рельсах. И почти сразу поезд нас врезался. Я не помню точно, как всё было. Я сидела сзади. Окна были такие... белые, запотевшие. Я рисовала на них, стирала, а потом дышала и снова рисовала. А тут...

Переднюю часть машины сразу оторвало, а заднюю вместе со мной отбросило в сторону. Мне было очень больно, и холодно. Я долго была внутри останков машины. Меня зажало там внутри. Когда меня вытащили, я была совсем замёрзшей. Я помню, что на лице был лёд.

А потом я лежала в больнице. Правая рука была сломана и рёбра, тоже справа. А больше ничего. Царапины, ушибы... а папу с мамой насмерть... Сразу. Мне говорили, что их даже хоронили в закрытых гробах. Одна цирковая тётенька-гимнастка приходила ко мне в больницу. А я на похоронах не была. Я долго потом лежала в больнице. Из больницы меня сразу отвезли в школу-интернат.

У меня не было больше родственников. Мама была из детдома и своих родителей никогда не видела. Кто-то рассказывал, кто не помню, что её вывезли из Ленинграда во время блокады ещё ребёнком. По дороге много машин утонуло. Документы были потеряны. Детей всех записали кто, что помнил с их слов. А маме было года три — три с половиной.

Возможно, она не смогла ничего вспомнить. Стала Катей Ивановой. Ну а уж, потом, когда с папой поженились, стала Екатериной Котти. Папа ещё шутил, стараясь изобразить иностранный акцент: Каття Котти. Меня же он почти всегда ласково называл — Котёнок.

Родители у папы погибли во время войны. Они тоже были цирковые, но... Из румынских цыган. Немцы не любили цыган. Они их расстреляли. А папа был маленький ещё. Ну как я сейчас примерно. И его спрятали у себя украинская семья. Он был светленьким. И на цыгана не похож совсем. А после войны он смог восстановить своё имя. В цирке его родителей помнили. Из-за этого у меня нет и не было никогда ни бабушек, ни дедушек. И других родственников нет. А из цирковых меня никто тоже не забрал к себе. Так я и оказалась в интернате для сирот.

В школе-интернате я сразу попала в первый класс. Училась я нормально. Переломы мои зажили. Я даже стала вспоминать то, чему меня учил папа. Сразу заслужила среди одноклассников кличку «Циркачка». И тогда меня в первый раз побили. Чтобы не зазнавалась. Я отбивалась, как могла. Но их было много. На меня накинули одеяло и били. Кто куда попадал, туда и бил. Но в больницу меня потом не отвёз никто. Кто меня бил я не видела. А по приказу директрисы меня поместили в изолятор и там лечили. Когда я смогла снова ходить, меня вернули обратно. Меня больше никто не бил. Похоже, что их сильно наказали и они боялись повторного наказания. Дальше всё как-то забылось. Один год. Другой. Третий...

В пятом классе у нас появился мальчик-второгодник. Игорь Короленко. Но его все звали Король и очень боялись. Он бил сразу. Его наказывали, но ему было всё равно. Он никого не боялся. Говорил, что его мать умерла, а отец в тюрьме. И что отец его очень авторитетный вор. А может бандит. Я так и не поняла.

Моё цирковое прошлое и спортивные успехи были хорошо известны всем в нашей школе. Видимо поэтому Король и положил на меня глаз.

Король и его два приятеля Толстый и Клоп. Толстый был не просто толстым, а как бы даже жирным. Скорее всего болезнь какая-то. Так как кормили нас в интернате не слишком хорошо. Хотя... Толстяк периодически отбирал еду у более мелких одноклассников. Ну а Клоп — был мелким и худым. И ещё от него всегда воняло. Непонятно чем, но как от козла.

А дело было в следующем... Король спросил меня: Типа слабо ли мне на верёвках спуститься с крыши. Ну, то есть, обвязавшись верёвками, спуститься с крыши на балкон. Для чего? А с балкона можно было украсть одежду, что висела и сушилась на верёвках. А если повезёт, и дверь балкона или окно открыто, то и по квартире пошариться. Скажете, что одежда — это фигня. Так нет же в магазинах почти ничего. Дефицит... А на балконах всякое бывает висит. Это можно продать. А деньги... Деньги всегда нужны...

Прежде чем лезть в квартиру, её пасли. Следили за домом. Выявляли балкон, на котором вещи были поприличнее. Потом следили уже за конкретной квартирой. Выясняли, кто когда приходит, когда уходит. Малолетним «бандитам», возраст которых не превышал 12–13 лет, это было не сложно. Ну, вертятся мальчишки во дворе. Ну, забегают в подъезд. Ну и что? Мало ли их бегают по двору. Перед самым проникновением, квартиру ещё и проверяли. Звонили в дверь с банальным: «У вас есть макулатура?». Если никто не открывал, то всё и начиналось.

Один или два этажа ниже крыши — это для меня не проблема. Обвязавшись страховочной верёвкой, я по другому канатику спускалась на нужный балкон. Король с пацанами меня страховали. Хотя это было и не обязательно. Руки у меня были крепкие, а

мои почти сорок килограмм — это не вес для аттракциона «с крыши на балкон».

В первый раз повезло. Джинсы и шёлковое платье. А ещё я прихватила и нижнее бельё. Король сперва ругался. Но когда я ему объяснила, что за это бельё он получит не меньше, чем за платье. Импорт. Дефицит. И всё такое. В тот раз внутрь квартиры проникнуть не удалось. Двери балкона и окна были закрыты по причине холодной погоды. Но и того, что мы взяли (я взяла) было вполне достаточно. Мне досталось 12 рублей. Я уже тогда поняла, что Король делит не совсем честно. Хотя он, оправдываясь, говорил, что ему приходится делиться со старшаками, которым он сбывает ворованное. А это такие люди, с кем спорить себе дороже. Но 12 рублей — это не та сумма, за которую стоит рисковать жизнью, здоровьем и свободой. Хотя, вроде бы, по закону двенадцатилетних не сажают. Но всё же... Поставят на учёт, или отправят куда-нибудь в спецшколу для малолетних крадунов. Король объяснял, что «вор» — это солидный человек, а тот, кто крадёт — не вор, а крадун.

Но всё равно я сказала тогда Королю, что за такие мелочи не согласна рисковать. Он пообещал, что в следующий раз моя доля увеличится. Но в следующий раз вещей было не много. И не такого импортного качества как предыдущие шмотки. И я получила всего червонец.

С тех пор у нас было всего пять или шесть балконов. И ни разу я не смогла проникнуть в квартиру. Но вот в последний раз, я углядела, что в соседнем окне приоткрыта форточка. Жаль, что для того чтобы попасть к этому соседнему окну, мне пришлось отвязаться и шагать по тонкому карнизу не менее полутора метров практически без страховки. Зато улов превзошёл все ожидания. Вещей было много. Были деньги, что-то около двухсот рублей. Несколько облигаций. Это такие бумажки, очень похожие на деньги. Тоже взяла. Какие-то украшения с камнями. Скорее всего золотые. Но я не могу гарантировать. Может и хорошая бижутерия. Хотя вряд ли... И в этой квартире я нашла то платье, которое мне понравилось так сильно, что я решила оставить его себе. То самое платье, в котором уже тебя нашли, висящим на дереве и приколотым на сломанной ветке, как бабочка на булавке.

Именно в тот день у меня и вышел спор с Королём по поводу увеличения моей доли. Он пообещал всё поделить по-честному. Но позже. И в другом месте. Потому что отсюда надо было срочно сваливать, пока хозяева похищенного не вернулись домой. Я согласилась. Мы ушли подальше от того дома, где обворовали квартиру. Но пошли не на привычное место обычной лёжки Короля. Это был дом неподалёку от школы-интерната. Тоже сталинка. Тоже высокий, в девять этажей. Там тоже можно было спокойно проникнуть на чердак. Дверь вообще была не заперта на замок. В ржавые петли просто была вставлена проволока и закручена на пару оборотов.

Я сразу же переделалась. Скинула с себя трико, в котором лазила по балконам, надела платье. Мальчишек я не стеснялась, так как на физкультуре мы все бегали в трусах и майках. Да и на что там смотреть. Как дразнились мальчишки: «доска, два соска». Я же была ещё худая и гибкая. Как все цирковые. И плоская, как большинство девочек моего возраста. Только у Верки из нашего класса уже была грудь. Да и то, скорее всего из-за того, что Верка толстая, как деревенская баба. Судя по еёговору, именно оттуда она и приехала. «Туды, сюды» и всё такое в её разговоре проскакивали постоянно.

Я тогда не заметила, что в момент моего переодевания, Короленко смотрел на меня немного другими глазами, чем смотрят на одноклассницу обычные мальчишки. Несмотря на то, что Игорь был старше многих в классе на целый год, а меня и вовсе на два, но учился он с нами в одном классе. Второгодник, что с него взять.

Платье мне было слегка великовато, но я подумала, что на следующий год будет почти в самый раз. Если конечно я ещё хоть немного вырасту. Я всем объявила, что платье оставлю себе. Король сказал, что это палево. И пояснил, что по этому платью нас всех быстро вычислят. Он настаивал на том, что все шмотки надо продавать через его старшаков, чтобы уходило подальше и к нам не вело никаких концов. Я упёрлась. Уж больно платье было мне к лицу. Да и не было у меня ничего такого же яркого с тех пор, как погибли мои родители и меня запихнули в этот чёртов интернат. Все девочки ходили в коричневых школьных платьях, штопанных и в заплатках.

Короче, именно тогда мы реально поругались, а потом и подрались. Ну, как подрались... Я врезала ему, когда он мне сказал что-то обидное. И понеслось...

Я была достаточно сильной и ловкой. Но что я могла сделать для того, чтобы противостоять сразу трём пацанам. Один из которых был меня на два года старше и на голову выше. Ну, а двое других...

Толстый сразу же вцепился в меня и своим весом повалил на пол чердака, загаженный голубями. А Клоп, как самый мелкий вцепился мне в ноги и тоже прижимал к полу. Король меня просто двинул кулаком по скуле. А потом и ещё раз. Голова у меня дёрнулась, в глазах всё поплыло. В общем, я потеряла сознание и то, что творилось в ближайшее время, совсем не помню.

Очнулась я через некоторое время привязанная за руки и за ноги к деревянным опорам крыши. На чердаке таких было полно, торчали через два-три метра тут и там. Верёвок у Короля было достаточно. Крепкие верёвки, надёжные. Знакомые мне верёвки. Ведь именно на них я спускалась с крыши и поднималась обратно.

А теперь эти самые верёвки лишали меня возможности вырваться из этой западни, в которую я угодила только лишь по своей глупости...

Глава 8

— А ну, развяжи меня! Быстро!

— А то что? — голос Игоря изменился. В нём проскакивали искорки гнева и чувствовалась угроза.

— Ты, чё, охерел совсем!

— Да это ты, сука, о*уела! Ты кем себя возомнила, *лядь?

— Развяжи, козёл!

— Да, ты видимо ни *уя не поняла, сучка. Не в твоём положении выёживаться. Лежи молча, пока...

— Пока что?

— Да ничего. Мы просто пустим тебя по кругу, сучка подзаборная.

Как бы распаяя себя, он пнул меня ногой по рёбрам. Моё тело скривилось от боли. И это ему как видимо очень понравилось.

— Что? Ссышь, когда страшно?

Мне действительно было тогда страшно. Очень страшно. Страшно было оказаться беззащитной перед этими подонками. Но показывать это им не стоило.

— Ладно. Развяжи меня, и замнём по-тихому.

— А вот хрен тебе! Сначала ты отсосёшь у всех по разу, а потом мы посмотрим, что с тобой делать.

Клоп глупо хихикнул, а Толстый ощерился в гнусной ухмылке.

— Не боишься, что я тебе твой огрызок откушу?

— Да я тебе сначала все зубы повыбиваю, сука!

— Ну и как ты потом будешь это Нонне объяснять, что у меня зубов не хватает?

— Уж как-нибудь объясню.

— Замучаешься объяснять.

Тут нарисовался со своими мудрыми советами Клоп.

— Слышь, Король! Может, эта... не надо её эта...

— Пошёл ты, малявка! Если её сейчас не наказать. То она и дальше будет свою пасть разевать и вякать не по делу.

— Ну а зубы... эта...

— Заткнись. Мы её просто оприходуем по разу. Подмоется. Никто и не заметит ничего, если она сама не расскажет.

— Ты ведь никому не расскажешь? — ехидно спросил он, обращаясь ко мне.

— Заканчивай, Игорь! — я изо всех сил и слов пыталась всё спустить на тормозах. — Пошутили, и хватит. Развяжи меня!

— А я и не шутил. И я ещё не начинал... — сказал Король задирая на мне подол платья...

— Прекрати! — стараясь говорить спокойно обратилась я к нему. Но его уже было не остановить.

— И, как... эта... — Клоп, волнуясь, говорил невнятно, постоянно вставляя в разговор свои ненужные «эта»... — Трусы с неё... эта... не снять... Ноги-то... эта... привязаны...

— А вот так. — Короленко достал из кармана свой любимый нож, которым постоянно хвастался, что это подгон с зоны от корешей. Щёлкнуло лезвие выкидухи... И он ухватив за

мои трусы левой рукой, правой, с зажатым в ней ножом, легко перерезал ткань в двух местах. Обрывки трусов остались у него в левой руке.

— Помогите!! — Я задёргалась, но моя попытка закричать была пресечена новым ударом в лицо. Из носа у меня хлынула кровь. На языке стало солоно. А после мне просто зачихнуло в рот мои же трусы. Да так глубоко, что дышать стало почти нечем.

— А ну, пособи!

Клоп и Толстый схватили меня за коленки и развели в стороны, а Король спустив штаны пристроился ко мне, собираясь...

Я задёргалась, но мне снова прилетело в нос. Низ живота пронзила боль. А мне стало как то противно, мерзко и... безразлично. Игорь тыркался, действовал как-то неумело что ли... Хотя и у меня опыта никого не было. У него, наверное, тоже. Закончил он очень быстро. Как бы оправдываясь перед своими поделщиками, сказал:

— Не интересно даже. Лежит, как бревно и не шевелится дура. Толстый! Давай теперь ты.

Толстяк засуетился, стаскивая с себя свои необъятные штаны большого размера. Он тоже недолго со мной возился. Хотя у него явно что-то не так получалось, как он хотел. Жирными руками он больно мямлю мою грудь... Что там мять то... Пыхтел он, как паровоз, а потом зарычал и отвалился.

— Ну, ты и зверь, Жирдяй! — похвалил его Король. — Клоп! Твоя очередь.

Мелкий Клоп застенчиво мялся. Он долго снимал свои штаны и трусы. Снял их совсем. Не смотря на то, что мне почему то было безразлично всё происходящее, но я обратила внимание, на то, что и стручок у него был маленьким, как палец на моей руке. Даже стало немного смешно, несмотря на то, что было мерзко.

Клоп суется дольше обоих своих предшественников. Но у него так ничего и не получилось. Король прогнал его со словами:

— Смотри как надо и учись!

Он снова взгромоздился на меня. На этот раз он пыхтел долго, и удовлетворившись отвалился от меня.

— Толстый! Ты будешь ещё?

— Не-а. больше не хочу.

— Ну как знаешь.

Король застегнул штаны.

— Ну, что? Будешь молчать, дура? — спросил у меня ухмыляясь малолетний насильник, выдёргивая у меня кляп изо рта.

— Буду... — с жадностью вдыхая воздух, ответила я. — Развязывай!

— Не торопись! Полежи пока.

Он кивком отозвал своих напарников в сторону, типа на поговорить. До меня доносились отрывистые слова:

— Да, не...

— Не заложит...

— Своя девка...

— А вдруг...

— Да, не... Вряд ли...

— Ну, смотрите! Если заложит, то всем достанется.

Я не стала ждать окончания этого совещания, и хрипло, после кляпа, произнесла:

— Не ссыте! Не заложу. Развязывайте уже! Надоело так валяться.

— Ну, смотри! — угрожающе сказал мне Король. А Клоп с Толстым стали суетливо развязывать мои путы.

Не спеша, я разминала затёкшие руки. Потом села поправив подол платья. Платье было безнадежно испачкано. Кровью, спермой и голубиным помётом. Почему-то это меня разозлило в тот момент больше, чем то, что меня сейчас только что изнасиловали трое малолетних подонков. Видя, что я не дёргаюсь, на меня перестали обращать внимание. Король, убрав драгоценные побрякушки в карман, пересчитывал деньги. Клоп и Толстый увязывали вещи в кусок ткани, тапа простыни.

Зажав в правой руке обломок красного кирпича, я с силой шандарахнула Короля по голове, пытаюсь попасть чётко по затылку. Он свалился как подкошенный лицом вниз. Подскочившему Жирдюю вломила ногой по яйцам. Пытаюсь, конечно попасть по ним, так как из-за толстого живота определить место их нахождения было проблематично. Клопу я влепила оплеуху, прямо правой открытой ладонью по левому уху. Мелкого гада просто унесло в сторону. Но и мне нехило так прилетело сзади по голове. «Король» — пронеслась в голове мысль. Видимо мне так и не удалось его вырубить с первого удара кирпичом. Снова удар, ещё... ещё... Я снова провалилась куда-то далеко.

— Обратно я так и не вернулась...

— Да. Потому что от дикой боли, пронзённый веткой, очнулся уже я.

— Я это понимала, но почему-то мне было совсем неохота высовываться. Я сидела, там... глубоко. Мне было... странно. И хорошо, и плохо одновременно. И страшно. И страшно интересно. А потом, я как бы уснула. Такой чёрный-чёрный сон без сновидений. И только недавно мне захотелось снова проснуться. А тут Вы.

— Ну, во-первых: не Вы, а ты. А во-вторых: Мы! Мы теперь одно целое. Я и ты. Мы. Мы отомстим нашим врагам.

— А у тебя тоже есть враги?

— А как же. Конечно, есть. И их не меньше чем у тебя. А то и побольшебудет.

— Ты убьёшь Короля?

— Да.

— А Клопа с Толстым?

— Да...

— А Нонну? Эта старая сука всё знала. Ты же помнишь, как она пыталась выяснить что я помню, а что нет. И успокоилась, когда поняла что у меня амнезия...

— Это будет сложнее, но скорее всего тоже можно. С кого начнём?

— А это имеет значение?

— Пока не знаю. Надо подумать. Причём думать мы будем вместе.

— А убивать тоже вместе?

— Тебя это беспокоит?

— Ну... Я не знаю. Вдруг я буду тебе мешать. Как тогда в первый день.

— Да. В этом есть проблема. Когда двое в одной голове, можно и в ногах запутаться...

— Я могу уйти.

— Кстати, я так и не понял: Как ты это делаешь?

— Я и сама не знаю. Ухожу в себя, и всё... Меня нет. Я сижу далеко-далеко. Я всё вижу, но как бы со стороны. Как в кино.

— Надо, чтобы ты мне помогла освоить твоё тело, как своё. А я буду учить тебя тем приёмам, которыми я неплохо владел в прошлой жизни.

— Я постараюсь.

— Ладно. С этим после разберёмся. А пока надо всё обдумать. Ты пока действуй сама, а я посмотрю, понаблюдаю. Может и придумаю чего интересное. Ведь надо всё так сделать, чтобы на нас... На тебя...

— На нас. Смешно. Я в книжке читала про царя: Мы, Николай Второй...

— Да. Примерно так. Смешно, конечно. Но, наверное, надо выработать наше единое «Я», чтобы не путаться.

— Я и я. Тоже интересно.

— Хватит ёрничать. Как говорил Маугли: Мы с тобой — одной крови!

— Кто такой Маугли?

— Скоро выйдет такой мультфильм. Посмотришь. Тебе понравится.

— Расскажи!

— Я могу, конечно. Но. Не стоит портить удовольствия от просмотра шедевра. Там несколько серий. Первая возможно уже снята, ну или скоро снимут. А году примерно в 1973 все серии объединят в одну. И получится целый фильм.

— Ну, расскажи!

— Инга! Не будь маленькой...

— Бяка ты. Ладно. Шучу. Раз ты говоришь, что потом и сразу будет лучше. Значит так и надо. Я тебе верю. Но всё равно. Ты обязательно будешь мне рассказывать всякие истории перед сном.

— Договорились.

Почти каждый вечер с того памятного разговора, перед сном, я рассказывал Инге содержание книг и фильмов из будущего. Конечно, приходилось много объяснять. И про терминатора, и про хоббитов. А иногда мы просто засыпали оба без задних ног от усталости. Так как стали заниматься рукопашным боем. В конце коридора был запасной выход. Там почти никто не ходил. Иногда мужики курить выходили. Но ходячих больных на нашем этаже было мало. А тех, кто начинал ходить-курить... Их почти сразу либо выписывали, либо переводили в другое отделение.

Там на лестничных перилах было очень удобно отрабатывать растяжку. Растяжка у цирковой девочки была просто на отлично. А я ставил ей удары. Типа сокращённый курс молодого бойца. С ней было приятно работать. Я объяснил ей, что она не просто лупит кулаками в стену, а бьёт своих насильников. Обмотав кулаки медицинскими бинтами, Инга лупила в стену с такой яростью, что осыпалась штукатурка...

В тренировках и разговорах последний месяц пролетел незаметно.

Возвращение в интернат.

Выписка из больницы и возвращение в интернат произошло в начале ноября. Перед праздниками. Всё было так буднично и уныло, что прошло даже как бы незаметно для окружающих. Да, в принципе, всё так и было — незаметно. Меня никто не замечал. В больнице никто не заметил, как за мной пришла грустная женщина и пожилой мужчина с усами. Как подсказала мне Инга: учительница литературы и моя классная Раиса Степановна вместе с физруком Игорем Анатольевичем. Да... На физрука он мало было похож, с пузом и лысиной. Весь какой-то обрюзгший. Инга сказала, что физрук любил внезапно заходить в раздевалку к девочкам, когда они переодевались до или после урока физкультуры. С этим кадром всё стало ясно. А Раиса была какой-то заторможенной. Сухая, как вобла, со впалыми скулами. Такое ощущение, что это она, а не я выписывается из больницы после долгого лечения. Инга сказала, что Раису ученики за глаза зовут Крысой. Не знаю... Может это из-за созвучия Крыса — Раиса. А может и по какой другой причине. Пока неясно. Ладно. После разберёмся.

Мне принесли одежду. Пижама, что на мне сейчас — казённая, больничная. Но, похоже, что одежда, которую мне принесли тоже явно не моя. Коричневое платье, хоть и было чистым и выстиранным, но было настолько старым, что казалось ткань просто расползётся когда я стану надевать его. Да и размер был явно не мой. Платье мне было мало, несмотря на то, что я со своих сорока килограмм до больницы, на выходе имела меньше тридцати пяти. Зато трусы были на пару размеров больше и их пришлось подвязывать, чтобы не спадали. Штопанные колготки грязно-бежевого цвета. Их пришлось натянуть почти на грудь, чтобы не было морщин на коленках. Ботинки непонятного пола. Как бы так выразится: Унисекс. И серое пальтишко такого вида, что бомжи девяностых побрезговали бы. Я молча оделась и мы вышли на улицу.

После долгого нахождения в условиях больничного содержания, на свежем воздухе у меня даже слегка закружилась голова. Но я быстро взял себя в руки, и мы пошли на выход с больничной территории. До школы-интерната мы шли пешком. Пешком!!! Это заняло у нас как минимум минут сорок. Мы нигде не останавливались и ни о чём не разговаривали по дороге.

Я с любопытством пялился во все стороны. Для меня это была первая экскурсия по Москве своего нового времени. Много изменилось с тех пор как я... Наверно не совсем правильно. Всё было вполне узнаваемо, так как этот район я знал неплохо. Но глаз всё время ловил несоответствие. Там того не хватает, а там дом, которого в будущем уже нет. Но основные ориентиры уже присутствовали. Так что, не заблужусь, если придётся путешествовать в одиночку. Без этих молчаливых провожатых.

В интернате мой приход тоже остался без должного вниманий. Пробегающие мимо школьники разного возраста лишь кидали на меня любопытный взгляд, но тут же отворачивались и бежали или шли куда-то себе дальше по своим делам.

Классная сказала мне, чтобы я шла в свою комнату. Я сделал тупое выражение лица и ответил, что ничего не помню. И понятия не имею куда надо идти. Подозрительно посмотрев на меня, но приняв мою версию, она сказала мне следовать за ней, и пошла по направлению к жилому корпусу.

Общаясь с Ингой я уже прекрасно знал и куда идти, и где что... Но мы договорились до последнего придерживаться версии о потере памяти. Поэтому Инга и пряталась сейчас чуть в стороне, чтобы моё незнание всего вокруг выглядело со стороны естественным и неподдельным. Ладно... Там посмотрим, что из этого выйдет. Ведь доктора все в один голос утверждали, что память вернётся. Особенно в привычной обстановке. Но они не сказали, когда это случится. И никаких прогнозов не давали. Говорили, что память может и вообще не восстановиться никогда. Так что пока будем держаться нашего плана. Ничего не помню. Ничего не знаю. Ну а то, что я согласилась с тем, что я Инга, и что я живу и учусь в интернате, то я просто поверила врачам и взрослым. Раз они так сказали, значит, так оно и есть.

В жилом корпусе мы сразу поднялись на третий этаж. Раиса мне попутно пояснила, что на втором этаже живут мальчишки, а на первом с парадного входа столовая. А с другого входа можно попасть в банно-душевой и прачечный отсек.

Я кивнул головой, как бы запоминая всё сказанное. На самом деле банно-прачечный был в пристройке соседнего корпуса, а с другого входа в этом корпусе на первом этаже кухня и склад продуктов. Чтобы помыться в душе, надо было с первого этажа перейти по галерее типа крытого коридорчика. И в том же соседнем корпусе кроме бани был ещё и крытый спортзал. Баня так себе конечно. Дюжина душевых леек под потолком. Никаких перегородок между ними. Раздевалка одна. У мальчишек и девочек просто разное время для помывки.

Почему-то Раиса-Крыса ввела меня в заблуждение. Возможно хотела, чтобы я её поправила, и тогда бы стало понятно, что моя амнезия это ложь. Ладно. Потом посмотрим: Ху ист ху?

На третьем этаже рядом с двустворчатой массивной дверью у самого входа стоял небольшой стол. За ним сидела девица лет пятнадцати на вид, с красной повязкой на левой руке.

— А-а... Беглянку вернули.

Учительница промолчала. Я тоже проигнорировала дежурную. Инга опознала в ней Машку из седьмого класса. Теперь уже, наверное, в восьмой перешла. Сейчас это не важно. Я же всё равно ничего не помню.

— Твоя комната вторая справа. — проинформировала меня Раиса, а потом тупо развернулась и стала спускаться вниз по лестнице.

Потянув за железную ручку, я распахнула правую половину входной двери. Не рассчитав силу, распахнула дверь больше чем надо. Послышался стук удара дерева по дереву. Дверь с размаху въехала по столу.

— Ну. Ты! Осторожней! — рыкнула дежурная.

— Извини! Не рассчитала.

— Вали отсюда!

Захожу в коридор. Слева и справа двери с номерами. Моя вторая справа. На ней номер «6» жирно и неровно написанный краской на листе бумаги. Захожу в комнату. Двенадцать железных кроватей армейского образца в два ряда. На меня уставились несколько пар глаз девчонок моего примерно возраста.

Я решила проявить вежливость и продемонстрировать своё непонимание ситуации.

— Привет! А где моя кровать?

Глаза изучающих меня девчонок округлились... Но одна из них, толстоватая, по-моему

Вера... Да! Точно. Верка. Что-то типа главного бабуина среди девиц нашего класса. Она сделала надменное лицо, и надув губы указала на крайнюю койку у дверей:

— Вон та твоя!

Кровать действительно была как бы свободна. На это указывал в первую очередь свёрнутый в рулон дохленький матрас и голая сетка с прорехами отсутствующих пружин.

Это что? Тест на самое слабое звено? Ну, тем лучше. Тогда придётся идти на обострение сразу.

— А ты ничего не перепутала, жирная корова?

У «жирной коровы» глаза вылезли из орбит, а лицо налилось кроваво-красным. Её толстые губы открывались и закрывались в немой попытке заговорить. Сейчас она скорее напоминала выброшенную на берег рыбу.

— Ты не расслышала меня? Я спрашиваю, где была моя кровать до того, как я в прошлый раз вышла из этой комнаты?

— Чё, ты сказала, сучка?

Стараюсь говорить спокойным почти ледяным голосом:

— А за сучку получишь!

— Чё?

- *бут во чё!

Верка теряя самообладание, решительно вскакивает со своей кровати и бросается на меня. Но тут же наткнувшись на мою правую пятку лбом, отлетает обратно, перевалившись через собственную койку, смешно задрав вверх толстые ляжки. Удар произведённый мною в карате называется Мае-Гери.

Боковым зрением вижу движение в мою сторону с левой стороны. Практически не глядя пробиваю боковой удар ногой — Маваши-Гери. А третьей претендентке на премию Дарвина, что бросается на меня справа, пробиваю простую боксёрскую, любимую с детства двоечку:левой, правой! Всё... Картина маслом. Раздвинутые в хаотичном порядке кровати, три тушки валяются в живописных позах. Остальной контингент комнаты с испуганными глазами жмётся поближе к окну и подальше от меня.

Немая сцена.

— Кому-то ещё что-то не ясно? Могу объяснить.

Прямо как в песне Владимира Семёновича.:

«Друг! Оставь докурить! А в ответ — тишина...»

Правда тишина не полная. Стонет, зажимая кровотокающий нос та, что получила двоечку. Кряхтит Верка, пытаясь вылезти из-под сдвинутых кроватей. Третья скулит, и подняться даже не пытается.

— Ты чего? — гундосит Верка. — Мы же пошутить хотели. Тонна сказала, что ты не помнишь ни хрена, после того, как с крыши нае*нулась.

Ага. Понятно. Тонна — это Нонна директриса. Ну. Что же? Не будем никого разочаровывать.

— А я всё забыла. И ни хрена не помню. Но мне по *ую все ваши грёбаные шутки. — Я делаю небольшую паузу, подхожу к окну и отодвинув стоящую рядом девчонку, Таньку Сергееву, тихоню и зубрилу, сажусь на кровать справа.

— Это будет моё место.

Никто не протестует, но смотрят на меня насторожено. Как волчата на медведя. Я скидываю с ног ботинки, и откидываясь на подушку, располагаюсь на кровати полулёжа, по-

прежнему стараюсь держать в поле зрения всю комнату.

В это время дверь комнаты шумно распахивается и входит... Нонна-Тонна. Кто бы сомневался.

— Что здесь происходит? Что за бардак тут устроили?

Все присутствующие, конечно, кто мог, подскочили со своих мест. Я не пошевелилась, глядя на вошедшую директрису.

Разглядев побитую троицу и лежащую на кровати меня, Нонна повысив голос:

— Котти! Ты почему лежишь? Ты забыла, что лежать и спать можно только после отбоя?

— А я не помню, что на кровати лежать нельзя. Голова что-то закружилась...

— Ну, тогда встань и иди в медпункт.

— А я и не знаю где это. Я не помню.

Директриса сверлит меня своими поросячьими глазами и после небольшой паузы рявкает?

— Сергеева! Проводи эту...

Не договаривает. Разворачивается. И уходя, буркает как бы себе под нос, но достаточно громко:

— Морозова! Ко мне в кабинет!

Морозова — это Верка. Всё ясно. Сейчас начнётся допрос на тему: Что и как? Толстая Верка шустро подскакивает и семенит вслед за уходящей мадамой.

Засовываю ноги в боты.

— И кто меня ведёт.

— Я... — пискнула Татьяна.

— Ты — Сергеева? — с туповатой интонацией спрашиваю я. — А как тебя зовут?

— Таня... — снова пищит испуганная девочка.

— Ну... Куда идти?

Глядя в спину идущей впереди меня Тани, анализирую произошедшее. Всё идёт по плану. Амнезию подтвердила. Себя показала с новой стороны. Раньше-то Инга не кидалась на людей, раздавая люлей направо и налево. Всё-таки правильно, что мы целый месяц отработывали совмещение наших общих знаний и умений. Мой опыт занятий карате и боксом неплохо лёг на гимнастическую гибкость цирковой девочки. Эх! Мне бы такую растяжку в прошлой жизни. Брюс Ли и Джеки Чан умылись бы горячими слезами. Телс Инги, несмотря на полученные переломы, быстро восстановилось, и как губка впитало новые навыки из моего арсенала. Совместными усилиями мы смогли добиться того, чтобы в нужный момент я легко мог управлять телом, не задумываясь о том, какую группу мышц напрягать, чтобы не упасть. Для меня новое тело стало таким же своим, как и предыдущее, несмотря на разницу в росте и в весе.

Мы спустились на первый этаж. Там, напротив входа в пищеблок, был медкабинет. Медсестра, а может быть и фельдшер, я диплом не проверял, встретила меня настороженным взглядом.

— Инга! Чего тебе?

— Голова болит и кружится.

— Ты же только что из больницы? Тебя выписали и сказали, что ты здорова.

— Ну... Я была здорова. А пока дошла из больницы до интерната... Не знаю. Опять голова закружилась.

Делаю вид лихой и придурковатый, как якобы советовал Пётр Первый в своих уставах. Мне трогают лоб. Смотрят в глаза, коими я кидаю взгляды туда-сюда вслед за пальцем. — Высунь язык!

— А-а-а!

— Всё в норме... — шурудит у себя в столе. — Вот тебе таблетка! На, запей!

Глотаю не глядя неизвестную мне таблетку. Запиваю водой из стакана.

— Можешь идти. Если голова будет кружиться, ляг, полежи. Скажешь, что я разрешила.

— Спасибо!

Выхожу из медпункта. Таня ждала меня за дверью.

— А ты правда ничего не помнишь?

— Угу...

— Нонна сказала, что ты притворяешься.

— А что ещё она сказала?

— Чтобы тебя особо не трогали.

— А какого тогда хера на меня полезла эта... толстая?

— Ну... Ты же её коровой...

— А-а... Понятно.

— А остальные двое?

— Так они же вместе.

— Ясно.

Мы идём снова на третий этаж. А я думаю, как разобраться с директрисой. Уж больно она мутит чего-то. Как бы какую бяку мне не подсуропила. Она может. И сил и средств у неё хватает. Она в этом дурдоме, типа: "первый, после бога..."

Ладно... Что-нибудь да придумаем...

Осенние каникулы закончились. Ко мне никто не лез. Ни с претензиями, ни с разговорами. Я что-то спрашивал. Мне скупо отвечали. И всё.

Я уже много раз пересекался с Королём и его «бандой», но тщательно делал вид, полного неузнавания. Хотя боковым зрением постоянно следил за всем, что происходит вокруг меня. Я вообще был всегда начеку и всё-всё подмечал. Кто? Куда? Когда?

У нас с Ингой получился неплохой симбиоз. Я рулил телом на людях. Так было проще отрабатывать версию амнезии. А она мне комментировала и подсказывала что и как.

Видимо моё тупое выражение лица внушило всем, что меня крепко шандарахнуло по голове и с памятью у меня полный кирдык. И у меня конкретно неплохо получалось изображать полного незнайку.

В каникулы я проштудировал все учебники и свободно мог дальше просто посещать занятия не заморачиваясь на учёбу. Но всё-таки приходится делать вид, что учусь, и что мне трудно вспоминать предметы.

Но всё время я думаю. Смотрю и думаю. Изобретаю планы мести. Но пока они что-то не складываются в гармоничную картинку.

Поначалу за мной следили практически в упор. Повсюду я чувствовал недремлющее око кого-то незримого, кто наблюдает за мной везде и всюду. Даже в туалете я не чувствовал себя одиноким. Но постепенно, неделя сменяла другую неделю. Вот уже и декабрь со снегом и холодами подошёл. Насчёт холода не совсем конечно. В начале декабря не ниже минус

пяти всего было. Даже лёд на Новоспасском пруду лишь чуть наклюнулся. Но к середине декабря зима вступила всё же в свои права. Стрелка термометра упала до двадцати, и первые смельчаки уже протоптали тропинки по льду.

Да. Я уже умудряюсь иногда покидать ненавистные стены интерната. Сначала за мной увязывался кто-то из мелких гопников. Они тщательно делали вид, что за мной никто не следит, а я так же тщательно делал вид, что не замечаю малолетних топтунов.

Но постепенно все эти шпионские игры им наскучили, и я уже мог исчезать из поля зрения своих соучеников. А учителям и всяким взрослым надзирателям на нас было плевать глубоко и далеко. Главное, чтобы мы возвращались вовремя и не попадались милиции. Так как почти все выходы интернатовских путешественников в свободное плавание по улицам Москвы носили криминальный, ну или полукриминальный характер.

Несмотря на то, что поблизости находился медицинский вытрезвитель, на улицах, на автобусных и трамвайных остановках ещё хватало пьяных и пьяненьких мужиков, которых ещё не успели подобрать и обобрать милиционеры. У тех, кого выпускали из медвытрезвителя уже с собой ни денег, ни ценных часов не было. Ну, максимум пятак на метро выдавали горемыке добрые сотрудники, да справку о том, что он уже воспользовался услугами зловещего заведения. Эх. А им ведь потом ещё и на работу придёт бумага, и штраф... Да. Трудно было сильно бухать в Советском Союзе.

Мне везло. Я уже пару раз обчистил карманы залётных пьянчужек. Одного на трамвайной остановке, а второго через три улицы на троллейбусной. Тут главное, чтобы рядом с остановкой или на остановке была лавочка. Так как если лавочки нет, то пьяницы либо стояли, опёршись о стенку, либо уже лежали на асфальте. Ни с теми, ни с другими работать было некомфортно. Когда шмонаешь карманы лежащего, то высока вероятность, что тебя заметят. Либо менты, либо просто прохожие. А нынешние прохожие ещё покруче ментов могут быть. Всем всё надо. Все во всё лезут... И с замечаниями, и с советами... Страна, блин, Советов...

С теми, кто ещё держался на ногах, хоть и уже держась за стенку, работать тоже не стоило, так как клиент ещё не дошёл до нужной кондиции, и мог бы поднять шухер или вообще стал бы сопротивляться. А с теми, кто мирно спал себе сидя, работать было легко и удобно. Подсел рядом. Аккуратно проверил карманы и ноги-ноги-ноги.

У меня в нычке уже лежало примерно рублей тридцать разными купюрами. Мелочь я оставлял себе на текущие расходы. Нычку я оборудовал не на территории школы-интерната. Так... На всякий случай. Слишком много в нашем дурдоме любопытных и внимательных глаз.

График перемещения Короля и компании я тоже уже вычислил. Каждую пятницу после школы их гопкомпания посещала главную лёжку на чердаке в угловом доме за прудом. Бухали там или в карты играли, точно сказать не могу.

— Внутри я там с мая месяца не была. Да и за весну была там всего-то только пару-тройку раз. И то, надолго там не задерживалась. Чего мне с ними там делать? После дела мы обычно разбегались. Я возвращалась в интернат, а куда Король ходил сдавать наворованное я не знаю. Тогда ещё не было интереса следить за ним.

— Ясно. — я задумался, прикидывая что и как. — Инга! Ты готова воплощать в жизнь нашу мстя?

— Что?... А. Месть. Мстя... Смешно.

— Да. Была в моё время шутка такая? «Я буду мстить, и мстя моя будет страшна!»...

Инга! Ты готова?

— К чему?

— Убивать, Инга. Убивать.

— Готова...

— Точно?

— Ну... Да.

— Инга! Я всё понимаю. И я знаю, что ты хочешь отомстить. Но я не уверен до конца, что первый раз у тебя всё получится без срыва. А срыв нам не нужен.

— Я понимаю. Но...

— Не должно быть никаких «Но», девочка моя! Давай я всё в этот раз сделаю сам. С нашими общими навыками, у меня всё получится. Понимаешь! Малейшая ошибка и мы с тобой снова полетим с крыши. А я не хочу.

— И я не хочу. Ладно. Действуй, как знаешь. А я... Я посмотрю. Просто посмотрю, ладно?

— Конечно. Даже обязательно посмотри. Вдруг я куда-нибудь исчезну из твоей жизни. А тебе опыт пригодится.

— Э-э. Куда ты исчезнешь? Я тебя не отпущу. Мне с тобой хорошо. Спокойно. Ты ничего не боишься и я с тобой ничего не боюсь.

— А кто нас спрашивать будет? Как забросило меня сюда, так и выбросит куда-нибудь ещё.

— Я не хочу.

— Да я теперь и сам уже не хочу. Но...

— А ты возьмёшь меня с собой?

— Ты о чём? Я даже не знаю, как это всё происходит. Это, так сказать, мой первый раз.

— Ну, ко мне тоже не каждый год пришельцы залезают в голову.

— Ладно. Пошутили и будет. Я думаю, что действовать мы будем так...

26.12.1969 г.

«Лёжка» Короля располагалась на чердаке сталинского дома у Новоспасского моста. Место было забавное. Сначала надо было проникнуть в подъезд, чтобы не попасться на глаза жильцам. Затем наверх. На лифте или пешком. Но на лифте не до последнего этажа, а чуть ниже. А потом всё равно пешком. И тихо. Чтобы не беспокоить местных жителей. Наверх выше последнего этажа вела слегка ржавая металлическая лестница. Потом небольшая площадка, тоже из металлических прутьев. И грубо покрашенная коричневой краской дверца. Большой амбарный замок на двери. Но дужка продеваемая через ржавые петли, со щелчком, но всё же легко выходила из механизма замка, если руками посильнее потянуть в разные стороны. И так же легко потом вставала на место. Так что проникнуть на чердак мог кто угодно. Конечно, если этот кто угодно знал о секрете местного замка.

— Я впервые попала туда, на чердак, когда Игорь Короленко мне предложил поучаствовать в их делах. А я... Я, дура, согласилась...

— Инга! Позволь мне дальше самому действовать?

— Да я не против. Ухожу...

— Далеко не уходи. Вдруг понадобится уточнить какую-нибудь подробность, о которой ты забыла упомянуть.

— Ага... Я тут рядышком посижу, погляжу.

Всё было тихо и спокойно. В подъезде меня никто не видел. Я одет как мальчишка. Широкие штаны серо-непонятного цвета. На ногах кеды. Чтобы ноги не мёрзли, я надел ещё шерстяные носки. Всё равно ногам было мокро и холодно, но в ботинках было бы не так удобно скакать по чердакам и крышам. Пальтишко на мне серое и шапка из искусственной Чебурашки. Таких как я сотни по округе шатаются, как инкубаторские цыплята. Все из одного магазина одетые. Шапку на глаза. Лица почти не видно.

Поднявшись наверх пешком, я увидел, что замок на месте, а значит, на чердаке никого нет. Та-ак... Но если я войду, то снаружи будет видно, что внутрь кто-то вошёл. Вот это засада.

— Инга! А на этот чердак есть другой вход?

— Только через крышу. Но дело в том, что этот дом стоит углом. И одна крыша выше другой на пару метров. Так что возможно будет трудно перебраться из чердака одной половинки дома в этот чердак.

— Ладно. Тогда у нас нет выбора. Идём в другой подъезд.

Соседний подъезд, за углом нам не помог, так как там вообще не было выхода в чердак и на крышу. В следующем подъезде замок на чердачной двери не поддавался на наши уговоры и никак не хотел открываться. Можно было бы и силу приложить, но шуметь совсем не хотелось. И лишь крайний, то есть последний подъезд нам принёс удачу. Замка не было вовсе. И хотя проволока закрепляющая петли была толстой, но ржавой. Немного терпения. Туда-сюда примерно минут за пять проволока сдалась. Мы на чердаке.

На чердаке пыльно и захламлено. Видимо местные жители, не мудрствуя лукаво, стаскивали сюда, на чердак, всякий хлам, чтобы не переть его на помойку. А может, думали,

что вещь потом пригодится. Но не срослось. Короче. Помойка помойкой, а не чердак. Идти приходилось осторожно. Так и ногу можно подвернуть на ровном месте. Доски с гвоздями. Разбитые бутылки и банки. О... А вот и целые банки. В уголке стоял деревянный стеллажик, а на нём стояли двух- и трёхлитровые банки с какими-то то ли соленьями, то ли компотами. Сквозь толстый слой пыли было плохо видно, а трогать эти пыльные банки как то не очень-то и хотелось. Но крышки вроде бы не вздутые, а значит, есть шанс, что внутри ничего не испортилось. Ладно. Сейчас не время. Может, потом когда и посмотрим: что и как. Если получится.

Выход на крышу с деревянными жалюзийными дверцами. Дверцы перекошены. Видимо от дождей и холодов. Часть реек выломана. Левая дверца совсем не открывалась, а правая просто выпала, оставшись у меня в руках в виде сломанных кусочков рамы и реек.

Так. Стоп. Совсем забыл. Руки. Перчатки. Натягиваю тонкие женские перчатки с бантиками. Нашёл, забытые кем-то на остановке. А уж какие нашёл, те и ношу. Не до жиру. По крайней мере, отпечатков точно не будет.

Осторожно выхожу на жестяную крышу. Снега почти нет. Снегопада не было уже несколько дней, как стало холодать, но всё равно пытаюсь обходить снег. Чтобы следов оставлять поменьше. Стараюсь переступать аккуратно, чтобы железо не гремело. Почти получается. Надеюсь, что жильцы верхних этажей меня не слышат.

Иду в противоположный конец, минуя ещё два таких же выхода в чердачное пространство. Они мне без надобности. Мне нужен край крыши и переход на соседнюю. Перегибаюсь через край. Смотрю вниз. А не так уж и высоко. Оттуда правда проблематично будет подниматься. А отсюда — пара пустяков. Перелезаю через железный бортик, повисаю на руках, осторожно приземляюсь в кедах на крытую гулким железом крышу. Не слишком уж и громко получилось. Но всё равно замираю, прислушиваясь. Минута. Другая. Вроде тихо. Начинаю медленно переходить с одного листа железа на другой. Стараюсь наступать на рёбра жёсткости, чтобы не шуметь. Получается.

Добравшись до входа внутрь чердака, снова слушаю тишину. Вроде бы тихо. Гудит ветер, гуркают голуби. То, что надо. Если голуби внутри, значит людей там быть не должно. Принимаюсь. Табаком вроде бы тоже не несёт. Король много курит. А на чердаке, да не покурить... Нет. Вроде бы дымком табачным не тянет.

Нашупываю дверцу. Тяну на себя. Хрустит, но открывается. Проскальзываю внутрь, прикрываю дверцу на место. Выдыхаю. Оглядываюсь. Тихо.

Осторожно, стараясь не оставлять лишних следов двигаюсь к запертой снаружи чердачной двери. Прижимаю ухо к щёлке. Снова прислушиваюсь. Обычный шумовой фон. Лифт загудел... А вдруг они уже здесь? Надо торопиться. Главное успеть. Я скинул своё пальтишко в углу за какой-то трубой, чтобы не было видно. Остался в довольно тонкой вельветовой куртке. Прохладно, конечно, но так будет удобнее действовать.

Грязные, но крепкие верёвки... Заранее принесённые ещё вчера. Да. Я вчера уже был здесь. Но зашёл ненадолго, а потом вышел, закрыв за собой замок.

Один конец верёвки закрепляю к вертикальному столбику поддерживающему крышу, другой конец пропускаю через какую то трубу, свободный конец оставляю лежать на том месте, где буду прятаться. Место я продумал заранее. Практически рядом с дверью. Там какой-то закуток получился. Странная планировка, но мне пригодится. Так что я наблюдать всю картину буду как бы из-за угла. А меня не будет видно вовсе. Особенно человеку, который из ярко освещённого подъезда попадает на сумрачный чердак. Где свет лишь только

чуть пробивается из решетчатых дверок выхода на крышу.

Свою дубинку кладу рядом. Дубинка... Это просто песня, а не дубинка. Я её сшил сам из кожаного голенища выброшенного на помойку рваного женского сапога. Формой получилась что-то типа большого баклажана. Ухватистая в узком месте и расширяющаяся в широком. Я насыпал внутрь песка. Хорошего такого песка. Сухого. Позаимствовал из живого уголка, у черепахи. Взял немного. Мне хватило. Вперемешку с песком по классике надо было бы дробь свинцовой насыпать в пропорции примерно пятьдесят на пятьдесят... Но где я её сейчас достану дробь-то... Выручили рыболовные грузила. Купил их в магазине для рыбаков. Целую горсть. Правда вышло немного дороговато для меня, но оно того стоило.

Сначала насыпал внутрь кожаного баклажана песок с дробью. Зашив выход, пришил туда же петлю из того же материала. Минут десять замачивал в горячей воде на плите. И несколько дней потом сушил на батарее. Кожа сжалась. Дубинка получилась в меру гибкая, в меру крепкая, и в меру тяжёлая на ударном конце. Проверить было не на ком, но я надеюсь, что эта старая, отработанная ещё в средние века технология кожаной дубинки меня не подведёт.

Но на всякий случай у меня с собой ещё был приготовлен маленький ломик типа фомки, молоток и кухонный нож с лезвием примерно сантиметров двадцать. Но это уже совсем на всякий случай. Разложил всё поудобнее. Вдруг пригодится. А в горячке «боя» надо знать, где чего хватать. Надо чтобы всё под рукой было.

Тихо!!!

Шум в подъезде с той стороны. Я замираю в своём закутке. В правой руке зажата дубинка, в левой свободный конец верёвки.

Скрежет вынимаемого замка...

Свет из подъезда...

Первым из подъезда на чердак залезает мелкий Клоп, за ним двигается Король... Дверь со скрипом закрывается... Снова темно.

Время пошло!

Дёргаю за верёвку. Король запинается, спотыкаясь о натянутую верёвку, пытаюсь поймать равновесие, падает вперёд. Прямо на Клопа.

Выскакиваю из-за угла. С размаху бью кожаной дубинкой по затылку главного злодея. И ещё раз. И ещё...

Клоп ещё ничего не понял. Он шебуршится под навалившимся на него Королём. Вот он кое-как выбирается из-под более крупного старшего товарища... Хотя, какие они к чёртям собачьим товарищи. Мразота... Хреначу мелкого по лбу... И контрольный в голову! Ну, то есть получилось, что в висок.

Клоп задёргался, а потом затих. Король замер ещё раньше. Я их не поубивал часом сгоряча?

А меня долбит адреналин. Аж, трясёт всего от возбуждения. Пытаюсь себя успокоить. Но руки продолжают делать свою работу не отвлекаясь на мощный впрыск адреналина в кровь. Стаскиваю перчатку с левой руки. В правой по-прежнему сжимаю дубинку. Меня продолжает трясти. Но постепенно дрожь спадает. Трогаю шею Клопа. Ещё раз. Нет пульса. Или я не могу нащупать его. Проверяю Короля... Жив, собака. Дышит. Быстро начинаю действовать.

Расстёгиваю на бывшем предводителе малолетних бандитов штаны. Спускаю их пониже и у щиколоток прямо через штаны крепко связываю ему ноги верёвкой. Так потом на теле почти не останется следов связывания.

Не выпуская дубинки из правой руки, стаскиваю с него куртку так, чтобы она повисла на локтях, заведённых за спину рук. Прямо через накрученную одежду, связываю ему руки на запястьях и второй раз выше в локтях. После чего делаю из ещё одной верёвки петлю удавку. Не затягивая сильно, надеваю ему на шею. Другой конец верёвки перекидываю через какое-то горизонтальное бревно под самой крышей, но пока сильно не натягиваю, а лишь закрепляю. Всё. Уже не сбежит.

Так. Пора готовить Клопа, пока не закоченел. Проверяю ещё раз. Нет. Клоп уже всё. Не дышит. И штаны обгадил, козёл. Не... только обмочил. Ладно... Так... Штаны с обгаженными трусами долой. Болтаются в районе щиколоток. Пальто с него снимаю и аккуратно складываю на валяющийся неподалёку ящик. Крепкий такой ящик. Типа армейского. Я ещё на всякий случай проверил... Пустой.... Волоку мелкого засранца к ящику и перегибаю через него, задницей вверх. Взял ломик. Намазал вазелином (купил в аптеке). Раскатал белёсый отечественный презерватив на ломик. Снова смазал вазелином поверх резинового изделия, и стараясь особо не повредить тело аккуратно вставил Клопу прямо в задницу. Вытянул ломик, оставляя презик внутри...

Откуда взялся презерватив? Несколько дней назад я общмонал карманы пьяного мужика на трамвайной остановке. Взял денег. Немного было. Пять рублей и мелочь. Ну и презик в кармане тоже был. Вот. Пригодился.

А после я двумя руками обхватил тонкую шейку Клопа и давил, давил, чувствуя, как

ломаются под пальцами какие-то хрящики и косточки. Хрен его знает что. Зато останется вполне себе нормальный такой след от удушения.

А теперь наш главный герой дня. Подтягивая Короля при помощи верёвки и такой-то матери, ставлю его почти вертикально. Он задёргался в петле. Ослабляю. Ногами он слегка касается грязного пола. Лицо у него покраснело. Наверное, и говорить то он не может.

Закрепил длинный конец верёвки к вертикальному бревну. Хрен знает, как правильно по науке называются все эти элементы чердачных конструкций.

Возвращаюсь к объекту.

— Ну, что, козёл е*ливый? Попался?

— Ты-ы... — подвешенный что-то хрипит, но старается сильно не дёргаться, чтобы не затягивать петлю на шее.

— Я. А ты кого хотел увидеть? Своего подельника? Вон он валяется. Дохлый. С гандоном в *опе. И знаешь что... Все потом решат, что это ты его здесь насмерть за*бал. Понял, сучёнок? Ты теперь не авторитет местных малолетних гопников. Ты теперь тайный пидорок. А может даже и дырявый.

— Ы-ии. — Глаза Короля вылезают из орбит. Его рот приоткрыт и красный язык торчит промеж губ.

Ну, что же. Пора!

Захожу сзади. Хватаюсь за верёвку и с силой дёргаю вверх. Тяжело. Но получилось все как надо. Висит. Болтает в воздухе связанными ногами. Как это раньше пираты говорили: «Танец висельника». Через некоторое время дёргающееся тело затихает, повисая безвольной куклой.

Затягиваю верёвку в этом положении. Подхожу к гаду. Смотрю в вытаращенные мёртвые глаза.

Блин. Странно. Никаких эмоций. Даже радости от мести нет. Просто работа. Как там у амеров принято говорить: Ничего личного. Только бизнес.

Стаскиваю с мёртвого трусы. О... И правда обтрухался. Все трусы в сперме и моче одновременно. Я читал про это когда-то. Вот появилась возможность проверить. То, что надо. Краем трусов зачерпываю вазелина из баночки и с небольшим чувством брезгливости смазываю ему член. Теперь уж точно можно поверить, что это он только что отодрал своего мелкого друга в задницу. Хм... Тогда уж не друга, а подругу. Впрочем, какая разница теперь.

Натягиваю на труп трусы, а затем, развязав верёвки и штаны. Штаны застегнул. На все пуговицы. Руки тоже развязываю. Куртку снимаю, шмонаю карманы... Из кармана повешенного Короля извлекаю его любимую выкидуху. Взять что ли на память. Да ну его на фиг. Хотя, может пригодится. Открыл, закрыл... Беру с собой. Есть задумка.

Что там ещё по карманам? Деньги? Мелочь оставил, а бумажные забрал все. Тут больше сороковника наберётся разноцветными купюрами. Богатенький Буратино. Ну, что же... Мёртвым деньги не нужны, а мне пригодятся.

Куртка хорошая, тёплая, импортная. Себе бы оставил, но мне великовата. И слишком заметная. Так. Что дальше?

Вроде следов от верёвок не осталось. Да и вряд ли кто тут будет тщательно всё расследовать. Районный следак запишет, что один малолетний пидор убил другого, а потом повесился сам. Дело закрыто.

Куртку воспитанника школы-интерната Игоря Короленко накидываю на мёртвое тело дохлого Клопа. Видимо убийце сначала стало стыдно смотреть на мёртвого полового

партнёра. А потом он от стыда и сам удавился. У Клопа в карманах была только мелочь. Видимо ему не по рангу были бумажные деньги в этой компании.

Нашёл ещё один пустой ящик. От посылки. Фанерный, но крепкий. Сначала подставил под ноги висельника. Годится. В самый раз. Ноги трупа на ящике. Толкаю ящик ногой в сторону. Упал красиво, как и надо. Картина маслом!

Обшарив на предмет всяких нычек место Королевской лёжки. Стал обладателем ещё двухсот рублей купюрами по три, пять, десять. А не плохо так Король на мне нажился. Да. Скорее всего, часть этих денег и так была моя по праву. Поэтому беру не стесняясь. Лишь пара купюр были достоинством по двадцать пять рублей. Крупнее не было. Ну и правильно. Зачем мне крупные купюры? Чтобы у взрослых глупые вопросы возникали: Где ты их взял?

Странно. Мне совсем не холодно. Уходя, даже чуть не забыл про своё пальто. Одеваю слегка испачканное пальтишко и аккуратно покидаю чердак, стараясь куском линолеума заметать свои следы.

Прикрываю за собой двери, но замок на место не вешаю. Иначе как бы они сюда попали...

Тихонько, стараясь не шуметь, покидаю подъезд. Иду в направлении пруда. По дороге ныкаю завёрнутые в тряпочную сумку ломик, молоток и кухонный ножик. Заодно туда же отправил и отлично показавшую себя дубинку. Потом перепрячу понадёжнее, а пока и так полежат, в кустах под слоем снега.

Всё. Дело сделано. Пора валить отсюда. Теперь надо заняться Толстым. Я заранее знал, что его до вечера не будет. Он к врачу пошёл. То ли на рентген, то ли на клизму. Короче, надолго. Но надо уже и поспешить. Иначе это он обнаружит своих дружков... А может так и сделать.... Нет. Мстя должна быть страшна. И моя мстя будет страшна!

Толстяка я подловил около забора интерната с той стороны, что выходила в сторону Новоспасского пруда. Кусты хоть и были голые, без листьев, но достаточно густые, чтобы меня не было видно с тропы. Я даже слегка промёрз, ожидая свою толстую жертву.

Тропа была изрядно протоптана от того места, где в заборе доска, висевшая на одном верхнем гвозде, открывала интернатовским беглецам путь на свободу. Ширина проёма была достаточной для обычного школьника, но Толстяк протиснулся с трудом, практически отрывая пуговицы на сером пальтишке. Меня он не заметил, и почему-то сразу решил отлить на сугроб возле тропинки. Хотя, судя по жёлтым и оранжевым сталагмитам на сугробе — это такая местная традиция.

Он стоял ко мне спиной, чем я и воспользовался. Добрый пинок по заднице отправил его прямо в жёлтый сугроб.

— Дети! Не ешьте жёлтый снег! — глумливо продекламировал я.

— Ах, ты, сука! — взревел Толстый, натягивая сползшие штаны.

— Сам — мудака! — отмахнулся я и не спеша двинул по тропе.

— Убью! — заорал красномордый жирдяй и бросился за мной.

— Догони сначала...

Я как бы не спеша трусцой побежал в сторону пруда. Он за мной. Я прибавил. Толстый не отставал. Видимо крепко я его разозлил.

Выручало то, что было очень скользко. На тропинках и рядом с ними периодически попадались дорожки голого льда. Дети и взрослые разного возраста любят это дело. Идёшь себе идёшь, а потом ра-а-аз и покатился по гладкой ледяной дорожке. Главное не упасть.

Да. Главное не упасть. Если я упаду, то весь мой план, и без того хлипкий, развалится на месте. Но дорожки меня выручают. Я легко скольжу по ним, а толстый уже упал пару раз. Но я не стремлюсь убежать от него. Если ему покажется, что он меня не догонит, то по причине своей жирной задницы и природной лени, он перестанет стараться и сойдёт с дистанции. А дистанция уже почти подходит к своему закономерному концу.

Я выбежал на лёд пруда. И стараясь держать «коньковый ход» чтобы не упасть, двигаюсь к противоположному берегу. Там очень крутой косогор, поднимающийся к старому Новоспасскому монастырю. Сейчас правда монастырь не действует. Там какая-то мастерская то ли мебельная, то ли ещё какая. А с другой стороны уже мастерская механическая с гаражами и прочими железяками. Но сам монастырь мне и не нужен. А нужен всего лишь берег пруда, тот, что у монастыря.

Зимой темнеет рано. Ещё нет шести вечера, а сумерки уже разбросали повсюду свои причудливые тени. Корявая почти двухметровая ветка с обломанными сучками, больше похожая на длинную неказистую дубинку, мне была видна издали. Она валялась там же, где я её и оставил с утра. Неплохой ориентир, чтобы впотьмах не промахнуться мимо нужного места. Ну а то, что палка за весь день никуда не делась... Да кому она нужна. Даже собаки побрезгают. Она слишком длинна и неудобна, чтобы таскать её в зубах.

Я бегу в сторону лежащей на льду палки, но бегу не прямо, а как бы огибая по дуге, сначала шархнувшись вправо, а потом уже влево, ближе к берегу. Толстяк ломанулся напрямик... Я так и думал...

Зря он это сделал. Три ха-ха.

Тонкий лёд под ногами толстого мальчика хрустнул и проломился, а с разгону упав на лёд всем телом жирстрест уже пробил большую полынью, и с головой ушёл под воду.

Ну, ещё бы. Здесь место такое. Все местные про это знают. Из-под высокого берега монастыря всегда били ключи. И летом, и зимой. Местные отсюда даже воду брали. Говорили, что чистая и вкусная. Знаю. Сам пил.

Так вот. Там, где ключи попадают в пруд у берега, никогда не замерзает лёд. А в паре метров от берега лёд хоть и есть, но то-о-онкий. Одна видимость. А ещё у Новоспасского пруда есть одна особенность. Конфигурация дна такая, что метра полтора от берега дно мелкое, как в лягушатнике. А потом резкий переход глубины сразу метра на два-три. Видимо сначала пруд выкопали поуже и поглубже. А потом вода разлилась и прихватила ещё немного берега. Вот и получилась такая бяка. Лично я сам чуть не утонул там лет в семь. Правда это было летом. Шёл в воде по пояс, и вдруг уже бултыхаюсь, дна не чуя под собою. Нахлебался по самое не могу. Хорошо, что парнишка постарше догадался подтолкнуть меня к берегу. И я вновь почувствовал спасительное дно под ногами. Но это было в моей прошлой жизни. Надеюсь, что и в этом измерении пруд такой же.

Я не ошибся. Всё как раз так и случилось. Мой противник оказался именно там. Где уже не мелко. А я что? Я схватил длинную корявую палку и стал ему помогать. При этом я ещё и тихонько так покрикивал на него. Ну, то есть:

— Давай! Хватай! Держись!... — ну и другую всякую хрень, которую кричат при спасении утопающих.

Но при этом я старательно подталкивал утопающего подальше от берега. Туда. Где ему уже не попадётся под ноги спасительное дно. Да и неудобно слегка в зимней одежде нырять и плавать. Хотя нет. Нырять-то как раз очень удобно. А вот выныривать как-то не очень.

То ли он не старался, то ли совсем плавать не умел. Но буквально секунд за десять он скрылся под водой и больше не показывался. Даже мявкнуть не успел. Вода была чёрная и мутная от плавающих в ней кусочков льда. Вокруг было тихо. Да и людей то вокруг я что-то не заметил. Ну да... Кому охота зимой морозной гулять по льду, рискуя поскользнуться. Собачники обычно выходят попозже. А дети уже ушли пораньше. Так как уже стемнело. А фонарями и прогулочными заасфальтированными тропинками пруд обзаведётся ещё ой как не скоро.

Так что я ещё постоял-постоял у полыньи, не особо приближаясь к ней. Подождал-подождал... Да и пошёл себе мимо. В сторону мебельного магазина. Палку я бросил в кустах на берегу. Как будто там и росла.

Жалко ли мне было этого морального уroda. Да нет, наверное... Скорее всего я чувствовал лишь удовлетворение от хорошо выполненной работы. От того, что я правильно всё рассчитал и спланировал. И ещё от того, что свидетелей поблизости не оказалось. Хотя для этого у меня и была припасена палка, чтобы имитировать своё участие в спасении утопающего мальчика. Гы-гы...

Поднявшись по крутой тропинке к угловому дому с мебельным магазином на первом этаже, я устремился вверх в сторону трамвайной остановки. Постоял там, на остановке, как бы ожидая трамвая. Пропустил один трамвай, другой. А потом вместе с вновь приехавшими пассажирами пошёл в сторону Таганки. Пешком. А что? Мне не привыкать. Ну, то есть я уже и отвык от того, что везде надо на машине ездить. Теперь я пешеход. Надолго... Надолго ли??

Через час я замёрзший, но вполне довольный собой вернулся в интернат. Деньги, почти все, я спрятал в свою вторую нычку. А не надо держать все яйца в одном кармане. Вот и я не держу. Из нычки я забрал лишь «волшебный» порошок. Его я приватизировал ещё когда лежал в больнице. О-очень полезный порошок. Меня им пичкали после операции, чтобы лучше спалось. Первые несколько дней это было актуально, так как болело всё тело с ног до головы. Но потом, когда прошла уже неделя-другая, он стал мне не актуален. Но мне его по-прежнему приносили каждый вечер. Я стал откладывать его под матрас. Правда, сразу же имитировал его полезное действие. Ну, то есть засыпал. Не знаю точно, что это за порошок. То ли люминал, то ли хлоргидрит чего-то там, но порошок убойный. Минут за пятнадцать-двадцать вырубает напрочь, и спишь потом как убитый. И это с одного маленького пакетика. А у меня их дюжина.

В интернат возвращаюсь, особо не афишируя своё возвращение. Получилось. В моей комнате всего пара девчонок. Из тех, кто редко куда-то ходит. В противоположном от меня углу они листают какой-то журнал. Ладно. Мне не мешают. И я не мешаю. Скидываю с себя верхнюю одежду. Переобуваю мокрые ноги в сухие носки. Школьное платье. Теперь я снова коричневая невидимка. Нас тут много таких коричневых. Мимоходом кидаю журналисткам:

— А где все?

— Да кто где... — отвечает одна.

— Наверное, в спортзале. Говорит другая. — Там волейбол.

— Ага... — Киваю им. Пойду, погляжу.

Выхожу из комнаты и иду к дальнему выходу. Вниз на первый. Переход в другой корпус. Смотрю от дверей что творится в зале.

О... И директриса здесь. Это очень хорошо. Возвращаюсь в жилой корпус, снова через третий этаж, мимо дежурной вниз на первый и в учебный корпус. Там, есть такой хитрый закуток на втором этаже. Где и кабинет директора и учительская. Но их там сейчас никого нет. Я видел кроме директрисы и дежурную училку. Физичку кажется. У нас физики пока ещё не было. Так что сейчас здесь мне никто не помешает.

Одеваю перчатки и своим ключом... Да-да. У меня свои ключи почти от всех кабинетов есть. На время у дворничихи позаимствовал, и сделал в городе дубликаты. А ключи дворнику вернул. Всё чисто прошло. Никто и не заметил.

Так вот... Своим ключом открываю кабинет директора и проскальзываю внутрь. Теперь всё надо делать быстро. В шкафчике, что сразу за креслом директора должна стоять начатая бутылка водки. Я ещё в прошлый свой заход нашёл, где что лежит. Открываю дверцу... Оп-па... Водки нет.

Да. Действительно. Водки я не обнаруживаю на привычном месте. Зато на том же месте стоит початая бутылочка коньяка. Какой-то грузинский судя по кривым буквам. Та-ак... Аккуратненько пробочку вынимаю, чтобы не сломать. Получилось. Воронку из листа бумаги. Думаю, что если меня вышибало с одного пакетика, то штуки три ей хватит. Через бумажную воронку осторожно. Стараясь не рассыпать порошок в бутылку. Закрывать пробку. Взболтать.

Сразу вспомнился Джеймс Бонд: Взболтать, но не смешивать...

Нет уж, мы размешаем более тщательно. Что дальше? Бутылку на место. Все бумажки в карман. На выход. Дверь закрываю и... Вперёд. Валим отсюда...

— А что потом будет?

— Что будет. Что будет... Придёт она под вечер и накатит стаканчик. А потом уснёт сладким сном.

— Сразу?

— Надеюсь, что нет. У неё тушка большая. Должно подействовать как надо.

— А как надо?

— Ой...Ну что же ты такая любопытная. Она всегда перед уходом выпивает и едет потом домой. Машины у неё, как ты знаешь, нет. На такси она не ездит. Мы следили за ней. Помнишь?

— Помню. А что будет дальше?

— Ну, я надеюсь, что подействует, но не сразу. Она пойдёт и где-нибудь по дороге навернётся и сломает себе шею.

— А если нет?

— А мы сходим и посмотрим. И если что, поможем ей перейти дорогу, где не положено. Старушкам всегда надо помогать переходить дорогу...

Дорог от интерната до метро, в принципе, много. Но человек Homo soveticus — существо сообразительно, а особенно москвичи. Именно они знают, что такое время, потерянное на дорогу. С утра на работу, а вечером обратно... Это же сколько времени можно потерять, от двух до пяти часов, с учётом забегания по дороге с работы в магазин, в прачечную, на почту и т. д. И поэтому люди любым способом стараются сократить это время. Дорога сокращается на треть, если сесть в правильный вагон метро, который ближе к выходу или к переходу на другую линию. Если в обеденный перерыв, а то и во время рабочего дня забежать в магазин за продуктами. Если срезать дворами дорогу от работы до метро и от метро до дома... Вот этим я и смогу воспользоваться.

Когда я следил за директрисой, я заметил, что до метро она всегда ходит одним и тем же маршрутом. Это был самый короткий путь, несмотря на то, что приходилось преодолевать три разных двора, небольшой парк и при этом в одном месте преодолевать довольно крутой подъём по лестнице с тринадцатью ступеньками и перилами из железных труб... Именно в парке я и решил подстеречь свою жертву.

Не знаю, употребила ли она коньячок с моей добавкой из расслабляющего снотворного порошка. Но это роли особо и не играет. Зима. Холодно. И... Скользко.

Нонна вышла из школы-интерната, и чуть пошатываясь двинулась по стандартному маршруту. Хотя то, что её слегка «штормило», было заметно, скорее всего, только мне...

Незаметно выйдя из так нелюбимой мною школы, я перешёл улицу и, зайдя за угол ближайшего дома припустил так, как будто за мною гнались сто тысяч бандерлогов.

— А бандерлоги — это кто?

— Инга! Я потом тебе расскажу. — тяжело дыша ответил я свой напарнице. — Всё потом. Сейчас не до этого... Надо успеть...

Успел. Вовремя.

Я птицей взлетел по довольно крутой лестнице, которая располагалась в парке, в достаточно тихом месте. Из-за пазухи стал доставать одну за другой полулитровые бутылки с заранее запасённой водой. Воду я хранил на груди, чтобы она не успела замёрзнуть по дороге. А на улице ниже минус двадцати. И снежок хрустит под ногами. Если воду пролить на землю то минуты не пройдёт, как она превратится в голимый лёд.

Первые две бутылки я разлил на самых верхних ступеньках. А ещё одну вылил на трубу железных перил. Ближе к концу лестницы, левая часть перил была напрочь обломана. Оставалась одна правая. Именно её я тщательно полил водой из третьей, последней бутылки.

Бутылки я тут же швырял в кусты. Через день-другой кто-нибудь сдаст их в пункт приёма стеклотары. А сам я отбежал подальше чуть в сторону и занял заранее продуманный наблюдательный пункт.

Ждать пришлось недолго. Через пару минут появилась моя цель. Она показалась, выходя из-за дома, и направилась ко входу в парк. До лестницы оставалось не более пятидесяти метров. Нонна шла, чуть покачиваясь. Со стороны казалось, что она сильно пьяна. Хотя я знал, что если она и выпила, то не больше грамм 100–150 коньяка. Видимо моя добавка всё же подействовала.

Упс... Директриса не доходя пары метров до лестницы, навернулась на заледеневшей тропинке. Но, выматерившись громко и витиевато, встала, и дойдя до первых ступенек ухватила рукой в шерстяной варежке за перила. Причём за левую её часть. По лестнице она поднималась довольно споро, что даже странно, для такой большой тушки. Дойдя почти до верха, она ловко переместилась на правую сторону лестницы. Видимо она давно знала об особенностях лестницы и отсутствии перил в верхней её части.

Ступив на предпоследнюю ступеньку, женщина ухватила за правую трубу перил... Ноги её разъехались, рука соскользнула. Какой-то момент, не больше пары секунд, директриса пыталась поймать равновесие, но ноги её подлетели вперёд, а она спиной вниз стала кувыркаться по обледеневшим ступенькам.

Эпическое падение! Достойное «Оскара». Я бы даже и два ей дал. За артистизм и исполнение.

Спешу к упавшей. Надо убедиться в результате.

Большая высокая меховая шапка слетела с головы директрисы и она видимо сильно ударилась обо что-то головой. Вокруг головы на снегу уже появилась кровь. Но она ещё была жива.

Аккуратно, чтобы не дай бог, не поскользнуться самому, приближаюсь к шевелящейся на снегу женщине. Подхожу со спины. Правой рукой хватаю за подбородок слева, а левую кладу на затылок справа. Резко дёргаю по часовой стрелке. Тут даже не сила важна, а ускорение. Рывок. Хруст. Всё тело задёргалось... но почти сразу затихло. Проверять пульс я не стал.

Пока никого нет вокруг, надо смыться куда подальше... Подхватив выпавшую во время падения из рук директрисы женскую сумку, молча удаляюсь. По дороге извлекаю из сумки кошелёк с деньгами и связку ключей, а сумку закидываю в ближайший мусорный бак. Кошелёк без денег выкинул ещё метров через двадцать, далеко в заснеженные кусты.

По дороге к интернату тщательно осматриваю себя и свои руки. Стираю снегом кровь с левой ладони. Рукава пальто вроде бы не испачкал. Повезло...

Иду запутанным длинным маршрутом. Даже слишком длинным. Таким, что даже замёрз по дороге. Но хорошо, что всё кончается хорошо. В интернат вернулся, как ни в чём не бывало. Всем было всё равно. Многие шлялись туда-сюда по своим очень важным детским делам. Зайдя в туалет, скинул пальто. Ещё раз тщательно отмыл руки с хозяйственным мылом. Снова осмотрел рукава пальто. Нет. Всё чисто. Ни капельки.

Вернувшись в комнату, ни с кем не общаясь, разделся и лёг спать. Заснул почти сразу. Странно. Спал спокойно. Без сновидений. Это был длинный, очень длинный день. Но и он закончился.

О том, что директриса навернулась со ступенек лестницы и свернула шею, стало известно только после новогодних праздников.

Кто-то встретил это сообщение с нескрываемой радостью. Кто-то язвительно шутил. Но большинство эту новость восприняло безразлично. Ну, умерла, и умерла... Я был среди тех, кому было всё равно. По крайней мере, с виду...

Исчезновение Короля и его прихлебателей было тоже практически незаметно из-за того, что за прошедшую неделю в школе-интернате пропало ещё несколько человек. Кто и куда свалил на новогодние каникулы из ненавистных стен «любимой» школы, я не знаю. Может кто в родные края подался, а может загулял... Кто их разберёт этих школьников... В основном исчезли те, кто постарше.

А это значит, что ни утопленника Толстого, ни задушенных молодых пидорков ещё никто не обнаружил. Ну и ладненько. Так даже лучше будет.

Я тоже хотел свалить отсюда куда подальше, но передумал... А, действительно, куда валить? Меня никто нигде не ждёт. Я, конечно, хочу уйти отсюда, но надо бы подготовиться. И я занялся тщательной подготовкой. Ещё до того, как стало известно о гибели директрисы, я взяв с собой пустой портфель, снова проник в директорский кабинет. Первым делом, используя стыренные ключи, я забрался в её сейф. Ну как сейф? Просто очень большой металлический шкаф стоящий в углу кабинета. Там были все наши документы. Личные дела, свидетельства о рождении и всякие справки. Нашёл своё личное дело. Забрал, не читая. Покопался в других бумагах... Нашёл, кстати, дела тех, кто ещё раньше сбежал из интерната и больше сюда не вернулся. Эти дела лежали в отдельной стопке. Полистав, взял с собой несколько дел девчонок моего возраста и старше. Деньги, лежащие в отдельной секции несгораемого шкафа, я сначала брать не хотел. Палево. Но, потом, подумал, подумал... И отщипнул, не считая, часть десятирублёвых купюр. Если и хватятся, то спишут на погибшую директрису. Типа недостача. А мне деньги скоро очень пригодятся. Прихватил в придачу бутылку с коньяком, сдобренную волшебным порошком.

Незаметно покинув кабинет директора, я удалился с портфелем, набитым бумагами. В жилой корпус я не пошёл, а сразу же покинул интернат. Через дыру в заборе я выбрался за территорию школы и устроился на лежащем в кустах брёвнышке. Уютное местечко, особенно летом. Здесь в тёплое время года постоянно присутствовали мужики, распивающие на троих или даже на двоих. Вон и стаканчик гранёный на ветке висит, слегка поблёскивая в лучах скупого январского солнышка. Я стал пролистывать дела пропавших девочек. Некоторые сразу рвал и складывал в кучку, на том месте, где чернело, сквозь вчера выпавший снег, старое костровое место. Одно из дел меня сильно заинтересовало. Александра Павловна Котова. 1954 года рождения. Очень уж больно имя с фамилией подходящее. Саша Котова. Почти как у меня в прошлой жизни. Только женского рода.

Родилась Александра в маленьком городе Пучеж в Ивановской области 14 ноября 1954 года. В графе отец — прочерк. Отчество видимо со слов матери, которая умерла через пять лет после рождения Александры уже в Москве. Справка о смерти тоже имелась в деле. Судя по всему, попала под машину или под трамвай. В документах про это написано расплывчато. Что-то про дорожно-транспортное происшествие. Но машина обычно редко отделяет руки-

ноги от тела. А там упоминалось именно об ампутации нижних конечностей. Возможно, что и жилплощадь какая имелась. Но на это вряд ли можно было рассчитывать в Советском Союзе. Здесь всё принадлежит государству. Но я и не претендую пока. Пока... Сведений о других родственниках в личном деле не имелось. Ну, что же, история запутанная. А вот воспользоваться свидетельством можно попробовать. Так... Мне, ну то есть Инге, сейчас почти тринадцать. В апреле исполнится. А Саше уже исполнилось пятнадцать лет. А в этом уже наступившем 1970-м, осенью в ноябре ей исполнится шестнадцать. Ну, а в шестнадцать уже выдают паспорт. Правда, я мелковата для пятнадцати-шестнадцати лет. Но можно это будет списать на болезнь. Вон шрамов на полживота. И на спине тоже есть в районе поясницы. Справки-то у меня есть, но на имя Инги Котти, а теперь надо бы заморочиться справками на имя Александры Котовой. Ну, что же... Придётся понадеяться, что в это счастливое время при отсутствии компьютеров и интернета, можно как-то обойти все эти нюансы.

Так... Эту папочку откладываю отдельно. Листаю остальные... Ничего подходящего не нахожу. Все лишние бумажки летят в то место, где когда-то уже был костерок. Достают спички. Ага. Ну, какой же хулиган и без спичек в кармане. Поджигаю одну скомканную бумажку, другую. И вот уже полыхает небольшой костерок на фоне снежного пейзажа. Полыхает ярко, но и прогорает быстро. Ворошу палочкой пепел от сгоревших бумаг, стараясь, чтобы прогорело всё без остатка. Поливаю всё коньяком из бутылки... Хотя вряд ли какой Шерлок Холмс будет рыться в этом пепле, отыскивая доказательства великого преступления века.

Остались у меня только папки Котовой и Котти. И ту и другую я осторожно возвращаю на место, в сейф уже погибшей директрисы. Свою папку там, где все дела моего класса, а папку Александры в стопку с пропавшими учениками. Я только изъясил свидетельство о рождении Инги на всякий случай. А из папки Котовой изъясил кроме свидетельства о рождении ещё и аттестат о восьмилетнем образовании и справку о смерти её матери. Кстати, Саша Котова оказалась неисправимой троечницей. Только пара отметок «хорошо» по пению и литературе. Ни одной отметки «отлично» не присутствовало списке предметов. Остальные все «удовлетворительно». И к тому же, несмотря на то, что в комсомол сейчас принимают с 14 лет, в личном деле Александры в строке «член ВЛКСМ» стоял прочерк. Вот и ладно. Мне и так сойдёт.

Прошло ещё два месяца. Снег уже стал терять свою зимнюю белизну. Ближе к апрелю солнышко уже было ярче и теплее. Пару раз уже прошли дожди, окончательно добывая кучи грязного снега. Лёд на Новоспасском пруду ещё не сошёл. Толстый, ещё не всплыл. Насчёт Короля ничего не известно. Я старательно обходил тот дом стороной. Милиция к нам в интернат вроде бы не приходила. Если бы что-то и стало известно о найденных на чердаке трупах, то весть сразу бы разнеслась по интернату. Тут, как в деревне. Все всё знают. По крайней мере, на уровне слухов. Но слухов не было.

Нам прислали нового директора. Это был худой нервный мужчина в очках. Он неспешно входил в курс дела, и нововведений пока в школе никаких не было. Всё идёт по плану. По моему плану...

В субботу четвёртого апреля мне, Инге, исполнилось тринадцать лет. Учительница скупо упомянула об этом на первом уроке. Одноклассники скупо поздравили. Никаких

подарков. Никаких празднований. А душе хотелось праздника.

После школы я свалил из интерната и поехал в центр Москвы. На метро. Это было не так просто как теперь. Станции Площадь Ногина ещё не было. Сев на Пролетарской, я сделал пересадку на Таганской. По кольцевой линии доехал до станции метро Комсомольская. Снова пересадка. И вот я выхожу в город на Дзержинской.

Здание КГБ, правда, выглядит немного не так, как я его помню по моей прошлой жизни. Как будто не хватает полдома, а на его месте стоит старое здание, которого в будущем уже не будет. Зато Железный Феликс на своём законном месте. Давно я его не видел.

Стоит и не знает, что примерно лет через двадцать обезумевшая толпа снимет его с постамента, зацепив тросом крана за шею. Мне кажется, что он смотрелся вполне гармонично возле здания одного из самых сильных силовых ведомств мира. Ну да ладно. Не моё это дело. Я обещал не лезть в политику. И постараюсь не лезть.

Но я приехал не в КГБ. Я приехал в Детский мир. В это счастливое время это самый большой детский магазин в СССР.

Да. Особенно в это доброе и мирное советское время это был не просто магазин детских товаров, это был целый детский мир. Детский Мир с большой буквы. Ну, ладно я. Со своим сознанием из будущего, я видел и более шикарные магазины. Но для детей этого времени это была просто сказка. Для меня вообще-то тоже. Я как будто возвращался в своё детство. Примерно в это время я с родителями тоже бывал в Детском мире. Но тогда меня таскали за руку в основном по секциям одежды и примеряли на меня всё, что попадалось под руку. А попадалось не так много. Ассортимент в те времена был ограничен. Так что в основном примерка подразумевала подгон по размеру. Хотя и тут не всегда брали размер в размер. Чаще на вырост.

А сейчас я бродил по магазину как в музее. В основном смотрел. Хотя денег у меня с собой хватало. Взял рублей семьдесят мелкими купюрами, на всякий случай. Но игрушки меня интересовали мало. Канцтоварами я тоже не заморачивался. Зачем? Я планировал в скором времени порвать со школьным обучением. Чему они меня могли научить? Да и к тому же у меня в зачатке уже был аттестат о восьмилетнем образовании на имя Александры Котовой. Но посмотреть было на что. Сама атмосфера меня воодушевляла. Я сразу же купил себе пломбир в вафельном стаканчике и аккуратно ел, стараясь не обкапаться подтаявшим мороженым. Я же девочка...

Вокруг были люди. Простые советские люди. Мамочки с озабоченными лицами. Дети со счастливыми лицами. Дети с расстроенными выражениями на лице. Видимо им не купили чего-то. А так хотелось. Были и дети с недовольным видом. Особенно те, которых таскали за руку озабоченные родители. Наверное и я с таким видом таскался по этому магазину в своё время.

Погуляв примерно с час по первому этажу и подвальному отсекам, я устал от обилия игрушек, кукол и всяких конструкторов. Но так ничего для себя и не приобрёл. Незачем обрастать хламом. Да и не надо мне ничего из этого. А вот на более верхних этажах я задумался. Одежда! А пожалуй что и пригодится. И даже очень пригодится. Но вот какая?

Отстояв очередь, я купил себе одну пару ГДР-овских колготок серого цвета. Нет, это не тонкие женские колготки, а хлопчатобумажные. Правда, в отличие от советских, восточные немцы уже стали добавлять эластичные нитки в пряжу. Поэтому колготки из ГДР не так активно собирались на коленках в морщинистые складки. Покупку мне упаковали в бумагу и

завязали шпагатом.

Надо озаботиться сумкой, так как в руках таскать покупки будет не очень-то удобно. В отделе спортивных товаров мне удалось приобрести туристический рюкзак небольшого размера. Закинув его на плечо, иду дальше. Отдел одежды для мальчиков... А почему нет? Захожу. Смотрю. Ассортимент конечно же убогий. Джинсов нет. Но мне не до жиру. Простые брюки из шерстяной ткани чёрного цвета. Беру приблизительно свой, 38-й размер. Иду в кабинку для переодевания. Меня перехватывает тётка-продавщица:

— Девочка! Это брюки для мальчиков.

— Спасибо, тётенька! Я знаю.

Стараясь не задерживаться, чтобы не возникло новых вопросов, скрываюсь за шторкой кабинки. Примеряю штаны прямо так, не снимая пальто. Только расстегнув пуговицы. Почти в самый раз. Чуть-чуть длинноваты. Но так, наверняка и должно быть. Я же девочка... Но, на всякий случай выйдя из примерочной, смотрю есть ли такой же размер, но другого роста. Ура! Есть. Прикладываю одни штаны к другим. Точно... Разница как раз примерно в полтора-два сантиметра. Беру те, что поменьше. Пробиваю на кассе. Кладу покупку в свой новый рюкзачок. Смотрю ещё рубашки. Тоже для мальчиков. Но белые меня не вдохновляют. А нет, вот есть просто фланелевые в клеточку. Меряю. Беру...

Ремень брючной. Примеряю на себя, беру. Брюки для мальчиков плохо держатся на моём впалом животе. Для дополнения мальчицкого образа покупаю кепку. Обычную кепку. Сейчас все носят головные уборы. Мужчины постарше — шляпы. А пацаны в основном кепки и фуражки разного фасона.

А что это за очередь? Встаю не глядя, потом спрошу, что дают... удача! Водолазки. Тоже ГДР. Правда не самые модные, а так называемая «лапша», то есть в рубчик. Но мне сойдёт. Лишь бы достался нужный размер. Повезло. Мой 38-й оставался в двух цветах голубой и белый. Дайте две! Хватаю не глядя, пока дают. Плачу в кассу. Запихиваю в рюкзак. Фу-ух. Выдыхаю. Купил ещё носки, три пары. Две чёрные для мальчиков и белые для девочек.

Взял трусы спортивные для мальчиков. Две штуки. Или две пары? Интересно: Пара трусов и две пары трусов — это большая разница? Какая разница... Для девочек были либо стрёмные панталоны, либо совсем детские с цветочками. Ничего. В мужских пока похожу. Инга вроде бы не против. В отделе обуви купил ботинки. Уродские, конечно. Что-то типа армейских берцев будущего, но покороче. Мне в самый раз. Повезло отхватить ещё и кеды. Настоящие китайские «Два мяча». За них отдал целых четыре рубля. Но не жалко совсем.

Всё. Хватит. Рюкзачок битком. Хотел ещё какую-нибудь лёгкую куртку на лето найти. Но не судьба. Нет таких в продаже.

Всё. Заканчиваю с шопингом. Хватит. Надо ещё подумать, где всё это хранить. Не в интернат же тащиться с грузом свежеприобретённой одежды... Снова еду на метро. Но, доехав до комсомольской выхожу на улицу. Площадь трёх вокзалов как всегда многолюдна. Вечные таксисты в поисках клиентов подороже. Люди с мешками, сумками и чемоданами снующие туда-сюда в хаотическом броуновском движении.

Иду на Ярославский вокзал. Я так решил, потому что Ленинградский уж слишком прозрачный что ли. Большинство людей поприличнее одеты. Милиционеры бродят настороженно внимательные. Ну а на Казанском практически всё напоминает большой заблудившийся цыганский табор. Халаты, тубетейки, и просто люди в замасленной затасканной одежде. А вот Ярославский он более уютный. Да, он тоже выглядит более провинциальным, чем Ленинградский, но всё же поприличнее, чем Казань-вокзал.

Захожу на вокзал. Любопытно оглядываюсь. Вокзал — это такое место, где все ходят любопытно оглядываясь. Потому что половина только что приехала, а другая половина собирается уехать. Так что здесь можно хоть на время стать невидимкой. Но только на время. Если шляться по вокзалу без дела какое-то время, то обязательно привлечёшь внимание местных милиционеров. А мне этого совсем не нужно. Ни сейчас, ни позже.

Нахожу автоматические камеры хранения. Не забываю заранее прочитать правила пользования. Ага. Можно оставить вещи на пять дней. Думаю, что и на других вокзалах точно такие же правила хранения. В Москве у нас сейчас девять вокзалов. Но некоторые типа Рижского и Савёловского маловаты. Там люди заметнее. Ладно. И с этим разберёмся. Думаю, что пять суток тянуть не стоит, но дня на три можно оставить вещи в ячейке автоматической камеры хранения безбоязненно.

Стоимость 15 копеек. Нужная монетка находится среди мелочи в моём кармане. Набираю код на внутренней стороне дверцы свободной ячейки. Одна буква и три цифры. Вращаю колёсики. Выбираю букву «И» от имени Инга. А цифры 917. Именно такой номер был на моей машине там, в будущем. Опускаю пятнадцатикопеечную монетку в монетоприёмник и оглянувшись, чтобы увидеть, что никто не подглядывает за моими действиями, захлопываю дверцу.

Запоминаю номер ячейки и покидаю гостеприимный вокзал. Снова ныряю в метро и через некоторое время выхожу на Таганской кольцевой. Решил пройтись пешком. Настроение хорошее. Почти что праздничное.

Иду, гуляю по знакомым ещё из прежней жизни улицам. Воронцовская, переулок Маяковского, Большие Каменщики. Там есть ещё и Малые чуть пониже. Возле пожарной каланчи сворачиваю направо и через двор старого сталинского дома подхожу со стороны Новоспасского пруда к задней части забора интерната.

Моего отсутствия никто и не заметил. Кому я нужен? В своей комнате, заваливаюсь на кровать и практически сразу проваливаюсь в полудрёму. Находился. Натоптал ноги за день. Хорошо. Незаметно для себя засыпаю.

Как потом оказалось, никто меня так и не будил. Даже на ужин. И я проспал до утра. Прямо в одежде. Хотя пальто я снял. Но так и спал в платье и поверх одеяла.

Воскресенье. Утро. Встаю на завтрак. Хотя лень такая, что и вставать неохота. Чем

сегодня заниматься буду? Даже ума не приложу. Ничего не охота делать. Как сказал кто-то мудрый: «Апатия — состояние нестояния.» Ну. В моём положении не совсем так, но очень близко. Но вставать надо. И в животе бурчит уже. Интересно, я завтрак не пропустил. Вроде бы нет ещё. Надо сходить, набить брюхо.

Лениво поднимаюсь. Лениво умываюсь. Лениво шлёпаю на первый этаж... А после завтрака всё стало ещё хуже.

Да, что же это такое со мною творится? Весна что ли так действует на меня? Или это... Надо у Инги спросить.

— Инга! А у тебя, то есть у нас уже были месячные.

— Нет. До того случая не было.

— Боюсь, что после того случая уже и не будет. Нам же там небось всё вырезали. Я слышал от врачей. Что детей у нас быть не может никогда.

— Тогда почему мне так хреново?

— Нам хреново, Инга...

— Да. Пошли, ходим в медпункт.

— А там в воскресенье кто-нибудь есть?

— Не знаю. Пойдём, глянем!

И мы пошли. Там и взаправду всё было закрыто. Зато умудрился нарваться на нового директора. Интересно, что он делает в школе в выходной? Может, дежурит? Вежливо поздоровался и попытался улизнуть. Но он меня тормознул.

— Ты почему не в спортзале?

Сразу пытаюсь съехать...

— У меня освобождение от спорта по медицинским показателям.

— Ты в каком классе.

— В шестом.

— Тебе обязательно надо туда. Пойдём!

И мы пошли... Чувствую, что что-то не то. Так и оказалось.

Зайдя в спортзал, я увидел, что там собрались все классы от пятого до восьмого включительно. Не было лишь младших. Из учителей было всего трое: Физрук, Крыса-Раиса и биологичка. Ну и теперь ещё и директор. Я примкнула к своему классу, стараясь затеряться в задних рядах. А пан директор, прокашлявшись, начал вещать:

— Внимание! У нас произошло ЧП.

«Ага, думаю про себя. У нас каждый день происходит какое-нибудь чрезвычайное происшествие. Ну и что на этот раз?»

— Сегодня нам сообщили из милиции, что в Новоспасском пруду нашли тело утонувшего мальчика. Это ученик шестого класса Костя Толстиков.

«Блин. У него ещё и фамилия была соответствующая внешнему образу. Смешно.»

— Поэтому... — продолжает директор, — С сегодняшнего дня у нас в школе вводится усиленный контроль за учениками. Выход за территорию строго запрещён, кроме случаев, которые мы обговорим позднее. Чтобы выйти за территорию необходимо получить разрешение у учителя или завуча. А по возвращении обязательно доложить преподавателю... Выйти можно лишь для встречи с родственниками, если у кого они есть. Или для следования в медицинское учреждение с разрешения медработника.

Складно излагает. Вроде бы не похож на бывшего военного. А всё как будто по уставу... Блин. А мне на через пару дней кровь из носу надо бы на вокзал съездить, чтобы вещи

переложить в другую ячейку... Ну или на другой вокзал. Иначе ячейку вскроют без меня...
Надо будет что-нибудь придумать.

— Надеюсь, всем всё ясно? — вопрошает нас директор.

«Конечно. Надейся...» — думаю про себя. — «Нет. Пора отсюда валить. Когда пидорков обнаружат. Вообще забор колючкой обнесут и часовых поставят на вышках с автоматами.»

— Ну, раз всем всё ясно, то все свободны.

Детишки разного возраста стали хаотично расползаться неорганизованными кучками. Я тоже поплёлся к себе в комнату не переставая думать о возникшей проблеме.

Я думал над проблемой весь выходной, а потом ещё и весь понедельник. К вечеру понедельника идея уже заплескалась в голове, как рыбка в сачке. Во вторник, прямо перед уроками я пошла в медпункт. Но медсестры снова не было на месте. Тогда я смело и решительно двинулась прямо в кабинет директора.

Вежливо постучавшись, я вошла в знакомый по прошлым посещениям кабинет.

— Можно войти?

— Ты уже вошла. Что ты хотела?

— Мне нужно в больницу.

— Ты заболела?

— Нет. Я лежала в больнице в прошлом году. Мне надо на профилактический осмотр.

— Медсестры не будет до четверга. Вот в четверг зайдёшь к ней и она даст рекомендацию: Надо тебе в больницу или нет.

— Мне надо сегодня. У меня неприятные ощущения возникли в районе швов.

— Каких ещё швов? — недоумение на лице директора плавно переходило в раздражение.

— Вот этих... — не стесняясь постороннего мужчину, я высоко задираю подол своего платья и демонстрирую ему следы прошлогодних операций. Для неподготовленного зрителя это всё выглядит довольно устрашающе.

— Ох, ё... — выдыхает директор, видимо гася на полуслове что-то матерное. — Хм... Ну, это... срочно тебе надо?

— Да. Доктора сказали, что если будут боль, резь или ещё чего, то срочно.

— А куда тебе надо ехать?

— Ехать никуда не надо. Это здесь недалеко. Пешком полчаса идти. Но можно и на трамвае три остановки.

— Хорошо. Я напишу тебе разрешение. Покажешь учителю. Но потом принесёшь справку из больницы.

— Конечно. Обязательно принесу справку.

— И осторожнее переходи через дорогу. Соблюдай правила дорожного движения!

Уходя из школы-интерната. Я всё своё беру с собой. Хотя и брать то особо нечего. По карманам распахать. Всё более или менее ценное у меня хранится за территорией. Три нычки в разных местах в районе Таганки и Пролетарки. Ну и конечно рюкзак с вещами в ячейке камеры хранения на Ярославском вокзале. Но первым делом я всё равно иду в больницу. Доктора и медсестры меня хорошо помнят. Ну, ещё бы. Я тут почти полгода провалялся. Мой лечащий врач меня выслушал. Посмотрел, помял живот и сказал, что всё нормально, но надо провести полное обследование, сдать анализы...

— Доктор! Это не срочно? Можно ведь летом. В каникулы. Чтобы на учёбе не отразилось.

— Да, да. Можно и в каникулы.

— А ещё, доктор. Мне директор сказал, что нужна справка, что я была на приёме и... Выписка из истории болезни. Какие операции были проведены и какие органы у меня вырезали. Это чтобы диета была и от физкультуры...

— Ну... Выписка была в прошлом году.

— Там всё на латыни было. А надо попроще, для педагогов. А то они не особо понимают в медицинских терминах.

— Ага... понятно. Ладно. Подожди в коридоре. Я сейчас напишу, а печать потом поставишь в регистратуре.

Сижу в коридоре. Никого не трогаю. Ещё раз прокручиваю план своего ухода. Вроде бы всё складно получается. Единственно чего у меня нет пока это базы. Где я могу переночевать. А на дворе, хоть и апрель. Но пока ещё холодно. Да и ночевать на улице или в подъезде опасно с точки зрения полного нежелания общаться с милицией. Думай голова! Думай!

Вышел врач и дал мне справку и выписку.

— Если будут какие проблемы, заходи, не стесняйся!

— Спасибо доктор!

Спускаюсь вниз и в регистратуре ставлю печати на оба бланка. Выхожу из больницы и сразу же подходит трамвай. Прыгаю в него и за три копейки покупаю билетик. По привычке смотрю номер. 166427 — Номер счастливый. 13=13. Но есть я его не буду. А вдруг контролёр. Но то, что мне попался счастливый билет, у которого сходится сумма первых трёх и вторых трёх цифр всё-таки наводит на мысль, что всё у меня получится.

Трамвай сворачивает к станции метро Пролетарская. Выхожу и вижу неподалёку на доме вывеску «Парикмахерская». Отлично. То, что надо. В мужском зале меня сперва не хотели стричь. Но я объяснил, какую причёску хочу и мастер всё-таки постриг меня как мальчика. Правда, не слишком коротко, но явно не под девочку. Девочки сейчас так ещё не ходят. Пришлось заплатить сорок копеек, как за модельную стрижку. Спрятав новую причёску под шапку, двигаюсь в сторону метро. Еду до Таганки. Выхожу на поверхность и минут за пять дохожу до первой нычки. Уже не шифруюсь. Выгребаю всё оттуда. Там и деньги, и новые документы. Иду до Таганской кольцевой. Снова в метро. Теперь еду на Комсомольскую. На вокзал пока ещё рано. Так как мне нужна ещё верхняя одежда. А на сиротское серое пальтишко у меня другие планы есть... Поэтому снова на пересадку и до Дзержинской. В Детский мир.

В универмаге сразу наверх в отдел одежды. И снова повезло. Даже пугает как-то. Слишком уж удачно всё складывается. Но как раз выбросили болоньевые куртки. Беру синюю, на молнии. В принципе мальчишковая. Но вполне потянет на унисекс. Кстати, что-то давно Инга не участвует в процессе.

— Инга! Ты здесь?

— А куда же я денусь. Мне просто интересно за тобой со стороны наблюдать. Я всё пытаюсь наперёд разгадать. Что будет дальше.

— Ну и как? Разгадала?

— Да пока не очень-то всё понятно.

— Потом всё поймёшь. Если я что-то не так буду делать, то ты меня поправляй, не стесняйся.

— Угу...

— Тебе, хоть нравится куртка?

— Нормально. Но я бы взяла посветлее.

— Светлые — более маркие. А нам в ближайшее время возможно негде будет стирать

свои вещи.

— Ну, ладно...

Куртку в охапку и на вокзал. На вокзале иду в камеры хранения и забираю свои вещи. Ну, что может быть более гармоничное на вокзале, чем человек с рюкзаком и свёртком. Спокойно иду на выход. Теперь еду обратно. Выхожу на Таганской, и по дороге в сторону интерната, опустошаю две свои другие нычки. Теперь у меня с собой более трёхсот рублей. Ну, что же. На первое время хватит.

В подъезде одной из сталинок, поднимаюсь на последний этаж. Там, где уже нет квартир, и гудят лифтовые моторы, переодеваюсь в мальчика. Мальчишковые черные спортивные трусы. Чёрные брюки подпоясываю кожаным ремнём. Натягиваю носки и ботинки. Голубая водолазка. Фланелевая рубашка. Синяя болоньевая куртка. А сверху всё это безобразие венчает серая кепка. Свою бывшую одежду: Серое пальтишко, коричневое школьное платье, колготки, раздолбанные ботинки и шапку аккуратно всё заворачиваю в пальто и завязываю верёвочкой. Теперь пора...

Давно заметил, что по правой стороне Новоспасского моста пешеходы в основном от станции метро Пролетарская. А по левой стороне в обратную сторону, как раз в сторону Пролетарки.

Поэтому я поступаю с точностью до наоборот. Иду по левой стороне в сторону Павелецкой. На середине моста торможу. Бросаю свёрток со своей бывшей одеждой себе под ноги, а сам стою, облокотившись о чугунное ограждение. Стою себе, стою... В речку поплёвываю. Никого рядом нет. И даже подальше никого не видно. Развязываю верёвочку и вытряхиваю всю одежду просто на тротуар. Слегка ворошу ногой...

Верёвочка полетела вниз в тёмную воду реки. Снова стою... Любуюсь, как в сгустившихся сумерках вода играет бликами света. Прохожих не видно ни в ту, ни в другую сторону. Изредка проезжают мимо меня, звеня и громыхая трамваи. Спокойно, как бы прогуливаясь, начинаю движение в сторону Павелецкой. Бывшие интернатовские вещи Инги так и остались лежать у чугунной ограды Новоспасского моста.

А во внутреннем кармане пальто я специально «забыл» справку из больницы, о том что у Инги Котти 13 лет после нескольких операций по удалению нескольких внутренних органов никогда не будет детей. Это же ведь душевная травма для подростка?

И куда же делась девочка? Вещи лежат на мосту, а девочки нет. Ай-яй-яй.... Ушла куда-то без одежды? Наверно спрыгнула от горя... Пусть теперь ищут меня по всей реке с водолазами. Ну, а если не найдут... Значит течением унесло. Или рыбки съели. Пусть ищут. Нет меня больше. Нет больше Инги Котти.

Через минут тридцать неспешного хода, переулками выхожу к Павелецкому вокзалу. Нахожу станцию одноименного метро кольцевой линии и за пятак еду по кольцу до Комсомольской. В кассах дальнего следования покупаю билет до Ленинграда. Я уже давно придумал этот маршрут, целью которого было не только запутать следы, но и переночевать и выспаться в ночном поезде. На вокзале покупаю несколько пирожков, искренне надеясь, что они не с котятами. В придачу к пирожкам две бутылки лимонада «Крем-сода». Хватит на дорогу. А в Питере... Ну, то есть пока ещё в Ленинграде, найду чем перекусить.

Билет мне продали свободно, без всяких документов и вопросов: «Куда это такой молодой мальчик один едет?». Похоже, что всем было всё равно. Мне выдали маленький коричневый картонный прямоугольник. Это билет нынче такой. На нём было много разных маленьких дырочек. На просвет были видны цифры. До отхода поезда ещё оставалось пару часов, и я без особого смысла шлялся по вокзалу.

Ко мне даже подошёл однажды молоденький милиционер и поинтересовался, что я тут делаю. Просто показал ему билет и сказал, что жду поезд на Ленинград. Он сразу потерял ко мне интерес, и козырнув, отправился дальше. А я, посмотрев на вокзальное табло, понял, что можно уже не спеша двигаться в сторону платформ дальнего следования. И действительно, нужный мне поезд уже стоял на платформе. Проводники стояли возле открытых дверей в ожидании пассажиров.

Я не спешил особо. Пока пассажиров нет, все на виду. А минут через десять пятнадцать уже очередь к проводнику стоять будет. Там уж никто не обратит внимания на мелкого пацана. Так оно и случилось. Мой вагон под номером семь через десять минут уже

шпурмовала ватага шумных студентов с рюкзаками. Я на их фоне, хоть и был мелковат, но смотрелся уже вполне органично. Пару пирожков с лимонадом я уже употребил, пока ждал прихода поезда, поэтому был сыт. Не отвечивая я занял свою верхнюю полку, и отвернувшись к стене, просто заснул под стук колёс отходящего от перрона поезда...

Питер традиционно не удивил. Моросил небольшой дождь. И город как бы плыл в туманной дымке. Но, несмотря на это, город был безумно красив. Моя родная Москва тоже красива, но по-своему. А город на Неве красив какой-то особенной своеобразной красотой. По традиции я оставил свой рюкзачок в автоматической камере хранения и пошёл гулять по городу. От Московского вокзала можно было с Площади восстания отправиться по Лиговскому, но я выбрал Невский. Это было волшебно. Я прошёлся по маленьким магазинчикам. Посетил уютный кинотеатр «Аврора». Кинотеатр прятался во дворах, и чтобы попасть к нему, надо было пройти через арку другого дома. С удовольствием мы вместе с Ингой посмотрели замечательный фильм «Белое солнце пустыни». Фильм только что вышел и зал был полон даже днём, несмотря на будний день. Инга видела его в первый раз, а я, наверное, в сто первый. Но всё равно было смешно. Хотя я знал почти весь фильм наизусть. Но старался помалкивать и не мешал Инге получать удовольствие от первого просмотра.

Потом ещё долго бродили по гостиному двору и даже купили кое-что из вещей. Но умеренно, чтобы не обрастать барахлом. Ближе к вечеру, купив билет на ночной поезд до Москвы, посетили небольшое, но очень уютное кафе. Хотя кафе больше было похоже на харчевню типа пельменной. Нагулявшись, без задних ног в поезде дальнего следования спали как сурки. Ну, то есть, как один сурок. Всё-таки мы с Ингой — единое целое.

Москва встречала ярким солнышком. Температура уже приподнялась выше нуля. Сосульки с крыш плакали горячими слезами. Чахлые почерневшие сугробы скукожились, грозя исчезнуть до следующей зимы со дня на день.

Куда же мне двинуть дальше? В Москве точно делать больше нечего. И хотя при таком количестве жителей и приезжих считается, что затеряться в Москве легко, но всё равно высока вероятность нарваться на знакомых. Не зря ведь говорят, что Москва — большая деревня. Так что не стоит мне присутствовать в Москве, по крайней мере, в ближайшие годы.

Забросив свой рюкзак в ячейку камеры хранения, я решил проехаться по Москве. Вышел из здания вокзала на Комсомольскую площадь. Огляделся...

Я уже давно думаю о том: "Что же мне делать в этом новом для себя времени?" Ведь не зря же меня забросило сюда. Может быть, есть какая-то высшая цель? А может и просто всё бессмысленно? И нет вообще никакой цели. А молекула моего разума хаотично путешествуя в мировом информационном пространстве, случайно поселилось в сознание этой несчастной девочки...

— Э-э! Аллё! Я всё слышу.

— Упс... Прости!

— Саш! Ты прекращай это самокопание. Всё сложилось нормально. Ты уже отомстил за меня этим подонкам.

— А знаешь, сколько ещё таких подонков по стране.

— А ты знаешь?

— Ну. Я помню некоторых... Особо известных. Особо опасных... Некоторые ещё пока и не начали убивать и насиловать. А некоторые уже убивают...

— А мы сможем их... наказать?

— Как сказал в своё время один умный человек: Для ведения войны необходимы три вещи: во-первых — деньги, во-вторых — деньги и в-третьих — деньги.

— Но у нас вроде бы есть деньги.

— Да. Есть. Около трёхсот рублей. Но этого не просто мало, а категорически мало. На одного хватит, может быть. А может даже и на одного не хватит. К тому же даже по документам на имя Александры Котовой ещё полгода ждать достижения шестнадцати лет. И только тогда можно будет придумать, как по её документам получить паспорт. А с паспортом можно уже более свободно перемещаться по стране.

— А ты придумаешь, как раздобыть денег?

— Я хорошо знаю, как достать много денег, целый миллион, но в 1977 году и в Армении. А вот про то, где их взять прямо здесь и сейчас даже понятия не имею.

— А оружие? Это же будут убийцы. Нам понадобится оружие?

— Конечно. И холодное, и огнестрельное. Но с этим я постараюсь как-нибудь разобраться. Опыт есть. Холодное оружие я смогу сделать сам. Мне только надо забраться в какую-нибудь механическую мастерскую. Ну, или на завод попасть. А для этого надо как минимум иметь паспорт, чтобы устроиться на работу, хотя бы на время.

— Огнестрельное оружие ты же не сделаешь на заводе.

— Если очень постараться, то смогу... Шучу. Пистолеты и прочие стреляющие железки легко раздобыть в армии. Сейчас время мирное и всё охраняется шалай-валяй.

— Украсть?

— Как говорили герои одного фильма: Всё уже украдено до нас. А в этом случае, всё будет украдено лет через десять-пятнадцать. В девяностые годы сами военные будут направо и налево продавать бандитам оружие.

— Разве так бывает?

— Будет. Обязательно будет. История будет развиваться так же, как и в моём времени. И тут я ничего не смогу сделать. Я песчинка в океане истории. Или даже меньше чем песчинка.

— Но ты говорил, что можешь сделать нашу жизнь лучше.

— Я и сейчас это не отрицаю. Но лучше только для нас с тобой. А для всех других... Вряд ли получится.

— Ясно. Тогда расскажи мне про этих гадов, которых нам надо наказать. С кого начнём?

— Пока что с тех, кто ближе.

— Но ты же говорил, что в Москве нам опасно.

— Согласен. Но чтобы добраться до других надо много денег. На билеты, на проживание, на питание.

— Значит надо сначала раздобыть денег.

— Я думаю над этой темой. И ещё... Некоторые преступления уже совершены, а некоторые ещё нет. Есть и такие убийцы-монстры про которых я точно знаю, что они начнут убивать. Но некоторым из них сейчас нет и 10 лет, а некоторые ещё не родились.

— Какая разница?

— Ты сможешь участвовать в убийстве ребёнка?

— Если это поможет спасти много других жизней. То почему нет.

— Вот это уже деловой подход. Есть на примете один человечек. И летом этого года он изнасилует и убьёт десятилетнюю девочку... Правда, это будет где-то в Херсонской области.

— Расскажи мне поподробнее об этих убийцах! Я должна знать, что они сделали.

— Это займёт много времени. Я не ходячая энциклопедия. Мне надо вспомнить то, что я знал о них. Дело в том, что их десятки. Много разных людей по всей стране. Хотя, конечно многие из них просто нелюди. Особенно одна семейка была... Или будет. Там и мать и сестра убийцы помогали ему.

— Убивать?

— Не совсем. Они помогали ему заметать следы. Например, мамаша в вёдрах выносила расчленёнку...

— Расчленёнку? Что это?

— Разрезанное на части тело. Так вот: Его мать выносила части тела и бросала в реку. А сестра знала, что брат убивает школьниц, но никому об этом не сказала.

— Гады...

— Поэтому там я думаю, что всю семью надо зачищать.

— Зачищать?

— У нас, у военных: Зачистка — это значить убить всех, кто находится не там где надо.

Примерно так значит это слово.

— Тогда нам надо озаботиться оружием.

— И я так тоже думаю. Именно этим надо бы заняться. Но при этом надо бы сначала озаботиться жильём. И... Найти денег на жизнь.

— Опять деньги.

— А без них никуда...

Пора уже определиться:

Либо куда-то валим из Москвы... Куда?

Либо надо искать, где в Москве жить-поживать?

Можно, конечно завалиться к родственникам Александры Котовой в Ивановской области, если они там есть, эти родственники. Но... Могут не признать — это раз. А может быть и так случится, что место уже занято самой Александрой — это два.

Ведь неизвестно где она сейчас. Как вариант: Сбежала из интерната и сгинула где-то. Попала в морг как неопознанный труп. И после этого была захоронена где-нибудь за счёт государства. Для меня этот вариант конечно предпочтительней, так как я сразу занимаю её место. Но надеяться на это не стоит. Это шанс один на тысячу. А может и того меньше.

Остаться в Москве? Вариант конечно заманчивый. Много заводов и фабрик. Есть общежития при этих предприятиях. Но пока мне нет шестнадцати даже по поддельным документам, устроиться будет сложно.

Можно махнуть на юга. Но денег не так много для отдыха даже дикарём. К тому же то ли мальчик, то ли девочка, явно малолетка, одна на курорте... Менты могут начать задавать ненужные вопросы.

А оно мне надо? Да и к тому же с моими швами на спине и животе... В каком купальнике я буду загорать? В бикини? Не смешите мои тапочки. Мною в бикини — только маленьких детей пугать своими уродливыми шрамами. Купить спортивный закрытый купальник? Где? Я думаю, что достать сейчас такой — проблема. Нет. Курорт тоже отпадает. По крайней мере пока.

Да. Проблема.

Куда пойти? Куда податься? Кого найти? Кому...

Нет. Стоп. Дальше это не про меня. Отдаваться я никому не планирую.

— Мальчик! Ты мне не поможешь?

А? Что? Это меня?...

Да, действительно. Женщина лет сорока на вид... А может ей и нет ещё сороковника. Сейчас женщины выглядят по-другому, нежели в моём прошлом будущем. Одета неброско. Но видно, что следит за собой. Одежда скромная, но чистая. Всё советское. Никакой косметики. Но причёска аккуратная. Два чемодана и какой-то свёрток. Не мешок, но близко к оному. И ещё кожаная сумка. Что-то среднее между портфелем и хозяйственной сумкой. Многовато багажа для одного пассажира. Стоит, пот со лба стирает платочком.

— Вы меня?

— Да! Мальчик! Как тебя зовут?

— Хм... Саша. И я... Я девочка.

— Девочка? Саша? Прости! Но это... Стрижка как у мальчика. Брюки...

— А так удобнее путешествовать. Я тоже не местная. — улыбаюсь. Женщина тоже улыбается. У неё приятная искренняя улыбка. И вообще, как-то сразу она вызывает расположение. Хотя, как известно, что самые приятные люди — это мошенники. Но это не тот случай.

— Помоги мне, пожалуйста! Я не донесу всё, что решила взять с собой. Переоценила

свои возможности. А мне на Казанский вокзал надо.

— Давайте попробуем. Если получится. Я ведь тоже не Геракл.

Я попробовал подхватить один из чемоданов, но мне показалось, что он приклеен к асфальту.

— Там что, гантели и штанга?

— Нет. Там книги и учебники. Я учитель. Возьми лучше свёрток и сумку.

Вот времена. В сумке, скорее всего документы, а может и деньги этой женщины. И она собирается доверить это первому попавшемуся подростку на вокзале. Смелая женщина.

Подхватываю сумку и свёрток. Судя по всему в свёрке — одежда. В принципе не слишком тяжело, просто очень неудобно его нести.

Идём не спеша. Часто останавливаемся. Даже не представляю, как она всё это от вагона донесла. Неужели там не было носильщиков. Я знаю, что некоторые таскают багаж и с вокзала на вокзал. Но скорее всего эта услуга была дороговата для этой учительницы.

По дороге разговаривать не получается. И так уже тяжело дышу. Но, как известно, и всё хорошее, и всё плохое, в конце концов всё равно кончается. Мы кое-как добрались да Казанского. Сгрузили все вещи поближе к стене...

— Сашенька! Присмотри, пожалуйста, за вещами, я посмотрю расписание.

Ну, вот тебе и здарсьте. Незнакомому человеку доверить все свои вещи. Нонсенс! Но, наверное, для этого времени — это норма. Хотя жуликов и воров и в это время хватает. А в принципе, что страшного? Ну, не убегу же я с этими тяжеленными чемоданами. Разве что с сумкой.

Тьфу! Что за мысли? Я же не собираюсь никуда убегать с сумкой этой милой женщины. Но откуда об этом знает она? Почему так безалаберно поступает со своими вещами?

Вернувшаяся женщина тяжело вздыхает:

— Мой поезд только поздно вечером.

— А куда Вы едете?

— В Армавир.

— Это на юге? — спрашиваю я с некоей долей наивности, хотя прекрасно знаю, где находится этот старый и красивый город.

— Да. Краснодарский край. Но почти что на границе Ставрополя.

— Вы там живёте?

— Нет пока. Буду жить. Пригласили работать в школе-интернате учителем географии. Слушай, посторожи ещё немного, я отойду ненадолго. Мне надо... в туалет.

Что? Опять интернат. Это что же за ерунда. Куда ни кинь, всюду... интернат. Совпадение? Случайность? Или судьба? Может это знак свыше? Армавир, Армавир... Это на автодороге в сторону Пятигорска.

Стоп! Таких совпадений не бывает. Армавир. До Новошахтинска примерно 400 километров, до Невинномысска — примерно сто. Это то, что мне нужно.

— Зачем?

— А, Инга? Ты здесь?

— А где же ещё... Зачем нам Армавир, и... эти два других города?

— Помнишь, я рассказывал тебе про маньяков и убийц?

— Подробно ты не рассказывал. Ты просто сказал, что их много.

— Да. Их много. Но на данном этапе доступны несколько. В Невинномысске сейчас

руководит детским туристическим клубом Анатолий Сливко. В будущем его назовут «Заслуженный мучитель». Ему в 1977 году присвоят звание заслуженного учителя РСФСР. И с 1964 по 1985 год он убьёт не меньше семи мальчиков. А ещё больше сорока он вешал на дерево и снимал на кинокамеру. Первое своё убийство он уже совершил. Можно успеть спасти остальных.

— Ясно. А другой.

— В Новошахтинске с этого 1970 года будет работать в школе-интернате № 32 ещё один подонок. Андрей Чикатило. Сначала он просто приставал к своим ученицам. Трогал двенадцатилетних девочек. За это его уволили из этой школы. А он начал убивать. На его счету около 60 жертв. Суд доказал 53. Он убивал женщин, девочек, мальчиков. И возможно жертв было больше. Кто знает. Несколько человек были расстреляны, как оказалось по ошибке. Им приписали вину за его жертвы. Выбили признание. Осудили и расстреляли. А потом когда арестовали Чикатило, оправдали. Но некоторых уже успели расстрелять. А поймают Чикатило только в 1990 году. Сейчас его можно остановить и все эти люди останутся живы.

— Какая мразь.

— Один из тех, кого в 1978 году арестуют за убийство Елены Закотновой 9-ти лет в Новошахтинске будет Александр Кравченко. В 1983 году его расстреляют. Позже Чикатило признается, что это он убил ту девочку. В 1992 году Кравченко реабилитируют. Хотя он тоже не невинная жертва. В этом году 13 июля он в состоянии алкогольного опьянения изнасилует и убьёт Галину Ципляк. Ей сейчас всего 10 лет. Она зайдёт к нему домой. Кравченко её задушит, потом уже у мёртвой выколет глаза, а тело закопает в огороде. Преступление раскроют очень быстро, и в ноябре Херсонским облсудом его приговорят всего лишь к 10 годам. А отсидит он только шесть лет. Выйдет условно-досрочно. Сейчас он ещё несовершеннолетний. Ему 17 лет.

— А мы сможем их всех найти?

— Сливко сейчас руководит клубом Чергид в Невинномысске. Найти можно без труда. Чикатило 15 августа этого года примут на работу завучем в школу-интернат № 32 Новошахтинска. А с 1 сентября он будет там ещё и учителем русского языка. С Александром Кравченко сложнее.

— Почему?

— Я не помню подробностей. Не помню города. Только скупые строки: 13 июля 1970 года он убьёт Галю Ципляк 10 лет. Задушит. Выколет глаза. Закопает в огороде. Будет осуждён Херсонским областным судом. Срок 10 лет. Освободится по УДО в 1976 Белозерским районным судом Херсонской области. Всё. Где его искать?

— Понятно. Ну, хотя бы первых двух найти можно.

Вернулась женщина.

— Спасибо. Сашенька! Ты меня очень выручила.

— Не за что...

— Да есть за что. Вот я одна в чужом городе...

— Хм. Я тоже одна в этом городе.

— А ты откуда приехала?

— Вообще-то я родом с Ивановской области.

— Не может быть. Я тоже. А откуда? Область большая...

Я стал вспоминать название города, откуда родом Котова согласно документам. Что-то похожее на птицу. Пичуга... пичеж... Вспомнил...

— Пучеж. Я там родилась, но не жила. Мама меня в Москву увезла. А здесь...

— Ты из Пучежа? Я ведь тоже их Пучежа. Когда ты оттуда уехала?

— Я не знаю. Я родилась в 1954, а уже в 1961 жила в интернате. А мама погибла.

— Как твоя фамилия?

— Котова.

— Котова? А маму, случайно не Светой звали?

— Светлана Ивановна...

— Сашенька! — женщина пристально посмотрела на меня, как бы внимательно разглядывая, — А меня зовут Котова Наталья Ивановна. Котова — это девичья фамилия. Теперь я по паспорту — Кравцова. А Светка — это моя родная сестра...

— Получается... Вы моя тётя?...

Немая сцена. Мы стоим и пялимся друг на друга...

Что за бред? Так не бывает. Так не может быть по определению.

Конечно, Москва — большая деревня. Но не для такой же степени.

Бред, бред, бред...

На вокзале встречаются два незнакомых человека... О! Ты моя тётя!... Индийское кино какое-то.

Нет... Что-то тут явно не так. Какая на хрен тётя? Может она... Мошенница? Зачем? Что можно взять с несовершеннолетней девочки, одетой под мальчика? Тётя? Таких совпадений не бывает... Или это, как обычный штамп в романе про попаданцев. Типа «рояль в кустах». Попаданец в новом мире находит родню...

Между тем, моя новоявленная тётя роется в своей сумке, и наконец, на свет появляется большой конверт. Начинает доставать какие-то бумаги. Передаёт мне. Паспорт. Открываю. Кравцова Наталья Ивановна. Место рождения город Пучеж Ивановской области. Свидетельство о браке с Кравцовым Сергеем Степановичем. Ну, точно... Девичья фамилия — Котова. Фотография самой Натальи. Она на фото лет на десять моложе. А рядом с ней на фото девушка, похожая на неё, ещё моложе.

— Это твоя мама. Моя сестра...

— Я её совсем не помню... Мне было пять лет...

Я тоже лезу во внутренний карман куртки и достаю «свои» документы. Свидетельство о рождении, справку о смерти Светланы Котовой, аттестат о восьмилетнем образовании. Протягиваю тёте.

— Тебе — пятнадцать? Не может быть. Я думала лет тринадцать, ну... четырнадцать... максимум.

— Я полгода в прошлом году провела в больнице.

Рассказываю свою немного исправленную историю. Потеря памяти только на сами события падения и изнасилования, которые так и не вспомнила. Диагноз полностью совпадает. Справок нет. Проверить нельзя. Задрав водолазку показываю шрамы. Тётя ахает, прижимая ладони ко рту.

— Бедная девочка! А ты куда ехала? Где ты живёшь.

— Я не знаю. Думала поехать на родину мамы. Там же есть наш дом...

— Нет уже никакого дома. Да и города Пучежа нет. По крайней мере того, который был раньше.

Времени до отъезда тёти в Армавир было ещё предостаточно. Мы сдали её тяжёлые вещи в камеру хранения. Не в автоматическую, а обычную. Усатый служащий выдал тёте какие-то жетончики и уложил два чемодана и свёрток одежды на полки.

Налегке мы поехали посмотреть Москву. Я город знал по своей прошлой жизни очень хорошо. Нынче город ещё не тот, но в центре я не заблужусь, как мне кажется. Тётя Наташа в Москве была в первый раз. Она даже боялась всего незнакомого. Эскалатора в метро, прибывающего подземного поезда, толпы людей. Мы приехали в центр. Маршрут был мне уже знаком по этой жизни. Вышли мы на Дзержинской. Я повёл тётю по улице 25 Октября, и мы вышли прямо на Красную площадь. На Наталью Ивановну было интересно смотреть со стороны. Глаза у неё приобрели анимешные размеры. Во-от та-акие глаза! Ну, ещё бы...

Кремль, мавзолей Ленина, Собор Василия Блаженного. Хотя, в принципе, храм назывался по-другому. Собор Покрова Пресвятой Богородицы, что на Рву. Вот как звучит название храма на самом деле. Но кто это помнит, кроме специалистов? Все знают лишь про Василия Блаженного.

Предложил зайти тётке в ГУМ, но она сказала, что денег у неё мало. А просто смотреть на толпу людей штурмующих прилавки с товарами не особо интересно.

Мы вышли с Красной площади у Александровского сада. Посетили могилу неизвестного солдата. Постояли у Вечного огня. Оказалось мой дед, отец Натальи и Светланы воевал с фашистами и погиб в 1944 году. Умер в госпитале после тяжёлого ранения. Наталья родилась в 1934 году, а Светлана летом 1936 года. Мама, которая теперь как бы моя бабушка, воспитывала сестёр одна. Бабушка Надя умерла в 1952-м. Что поделать? Тяжёлые времена, голод военных лет и много других факторов. В том же году Наталья поступила в Ивановский государственный педагогический институт на географический факультет.

— А потом Пучеж затопили.

— Как затопили? Кто?

— Строили Горьковское водохранилище. И получилось так, что часть старого города попала под затопление. Жителей, конечно выселяли. Деревянные дома разбирали и собирали уже на новом месте. Наш дом был каменный. Но я к тому времени уже училась в институте и жила в общежитии. А Светлане надо было заканчивать школу. Она училась в десятом классе. Она осталась одна в Пучеже. Снимала комнату в коммуналке. Ну, как комнату... Угол с фанерной перегородкой. А в 1953-м летом она приехала ко мне в Иваново. У нас как раз закончили строить учебный корпус номер один. Начали строить ещё в 1940-м. Потом война. А потом строить продолжили пленные немцы. Ну, вот как раз к пятидесяти третьему и закончили. Их много тогда ещё шло по территории института.

— Что? Немцы? Без конвоя?

— Да конвоировали их конечно. Пара солдатиков на полсотни пленных строителей. Так... Для порядка. Дело в том, что среди пленных была свои «конвоиры». Типа охраны из самих немцев. Они были куда строже наших конвойных. Немцы — они такие. Для них «орднунг», то есть по-русски «порядок» — на первом месте.

— Фашисты!... — я не скрывал своей ненависти. Это уже наверно на генетическом уровне у всех послевоенных поколений.

— Не все немцы фашисты... — тетя задумчиво замолчала. А потом вдруг резко спросила меня: — Как твоё отчество?

— Павловна. Но в свидетельстве в графе отец — прочерк.

— А когда родилась?

Я чуть не ляпнул: четвёртого апреля, но вовремя исправился.

— 14 ноября 1954 года.

— Теперь всё сходится. И год рождения, и отчество.

— Вы знали моего отца?

— Саша! Давай на ты. Я так понимаю, что ни у тебя, ни у меня больше нет близких родственников.

— Но ваш... твой муж?...

— Он погиб... В этом году...

— Прости, я не знала...

— Я уже всё отплакала... Там вообще всё как-то странно. Он работал на Красном

Сормово. Я не знаю точно, там всё секретно было. Но, кажется, они строили подводную лодку. В январе там что-то взорвалось. Мне сказали, что он погиб сразу. Но его тело... Они похоронили его вместе с остальными погибшими. Я узнала о его гибели только в феврале. Его к тому времени уже похоронили, а мне посоветовали никому не рассказывать об этом. Выдали какие-то деньги... А потом... Потом в школе, где я работала учителем, мне сказали, что меня переводят в другую школу по распоряжению руководства. Высокого руководства из Москвы. И вот теперь я уже вдова и еду в Армавир. А ведь мы поженились лишь три года назад. И детей у нас пока что не получилось. Вот так...

— Тётя Наташ! Не плачь! В жизни много плохого. Я хоть и маленькая ещё, но тоже с этим уже столкнулась.

Она обняла меня, и мы стояли неподалёку от вечного огня и плакали. На нас смотрели люди проходившие мимо. Но никто к нам не подходил. Может место такое — Могила Неизвестного солдата. А может ещё по какой причине. Но плакать нам никто не мешал. А потом мы пошли на улицу Горького.

Через некоторое время мы продолжили разговор.

— А что ты говорила про моего отца? Ты его знаешь?

— Понимаешь... Я только сегодня всё поняла. Дело в том, что когда Света приехала ко мне в Иваново, она у нас на территории института познакомилась с немцем.

— Что?

— Не перебивай, пожалуйста. Да, с немцем. Забавный такой. Светленький. Неплохо уже болтал по-русски. Говорил, что даже повоевать-то не успел. В 1945 на войну попал. Из этих, как его... Югендов. Но это с его слов, конечно. Он был старше нас. Но не на много. лет на пять — семь. Его звали Пауль. Пауль Каттер. Он ещё смеялся. Что у нас фамилия Котовы, а у него тоже Котов. Его далёкие предки были видимо шведами, так как Каттер по-шведски значит Кошка.

— Да. Совпадение. Сплошные коты и кошки кругом., - а про себя подумал, что и моя фамилия Котов, да и у Инги — Котти, тоже на кошку похоже. Забавно.

— Это был август 1953 года. А потом, он приехал попрощаться. Это было в конце февраля следующего года. В 1954-м. Их тогда всех отправляли в Германию, домой. Многие уже уехали. Осталось совсем мало. Вот и Пауль...

Тётя грустно замолчала, как бы задумалась. Видимо что-то про себя вспоминала или считала... Есть такая картина. Называется «Устный счёт». Там дети стоят возле доски с математическим примеров с таким же выражением лица.

— Да. Это было в феврале. Числа двадцатого... Зима в том году была долгой. Вот и тогда на улице было под минус двадцать... Несмотря на это Пауль и Света пошли гулять. Не знаю уж, где они гуляли... Вернулась Светка поздно вечером, одна и в слезах. Сказала, что Пауль уехал. А в марте уехала и она. Обрато в Пучеж. Я смогла приехать в родной город лишь в следующем году. Учёба, практика и прочее... Всё некогда... Светланы уже не было в городе. Я пыталась узнавать. Город ведь небольшой. Но получилось так, что те, кто были местные почему-то стали уезжать, а те, кто приехали не знали местных. Короче, я так ничего и не узнала. Поинтересоваться в роддоме тогда я не догадалась... Да...

Пора бы и мне вступить в разговор.

— Выходит, что мой папа... немец?

— Похоже на то. Недаром же Света указала отчество Павловна. Да и теперь я вижу, что

ты похожа на того светленького немчика.

— А прочерк — это потому что немец, да?...

— Да. За немца её бы по голове не погладили бы. А так... После войны мужиков стало мало, а безотцовщины много.

— Значит я наполовину немка?

— Только никому про это не рассказывай. И всё будет хорошо.

Да. Действительно. Немцы в родственниках будут хороши лет через двадцать. Особенно если удастся найти этого Пауля Кошкина. И кстати, как интересно всё получается: Папа Инги — цыган. Папа Александры — немец. В этой компании лишь у меня только папа русский.

Чтобы продолжить беседу, в которой я узнал много подробностей о «своей» родословной, пришлось продолжить рассказ о жизни Александры. Я уже подогнал историю Александры в своей голове под более менее логичную, раскидал по годам, и что, и где, и как... К тому же, события пятнадцатилетней давности в памяти ребёнка могли грешить неточностями. И в конце концов, история получилась вполне складная.

— Я помню, что ходила в детский садик. Это уже было здесь, в Москве. А маму я видела редко, только в выходные. Да и то, не каждое воскресенье. Она много работала. А когда мне было... лет пять с половиной, мне сказали, что мама не придёт. Но целый год я ещё жила в детском саду. «Добрые» нянечки мне уже сообщили, что мама умерла. Как я потом уже поняла, её сбила то ли машина, то ли трамвай, когда она шла с работы...

На глазах у меня появляются крупные слёзы. Почему-то в детстве слёзы такие крупные, как маленькие горошины. Может потому, что дети плачут искренно. Но я-то почему плачу? Вроде бы рассказываю почти выдуманную историю про чужую для меня женщину. А слёзы, как настоящие... Видимо, старею. Становлюсь излишне сентиментальным.

А я продолжаю вещать свою легенду.

— Ну а в 1961 году я уже училась в школе-интернате. В прошлом году окончила восемь классов. И тем же летом, я уже рассказывала, меня видимо изнасиловали и сбросили с крыши девятиэтажного дома. Я тогда потеряла память. Я до сих пор не помню подробностей. Очнулась лишь в больнице. Мне удалили почти все женские органы, залечили сломанные руку и ногу. Голова сама прошла, только память не вернулась.

— И куда ты теперь?

— Не знаю. Хотела на Родину, но... теперь, как мне кажется, там нечего делать. Паспорт только осенью получать. На работу не берут.

— А на что ты живёшь.

— Мне выплатили кое-какие деньги за маму.

— Но тебе же должны дать какую-то жилплощадь.

— Сказали, чтобы я ехала домой, в Пучеж. В Москве не прописывают... Здесь вообще очень сложно с пропиской.

— Да. Я тоже про это слышала., - Она задумалась... — А поехали со мной!

— Куда?

— В Армавир.

— Но...

— И не спорь. Ты моя племянница, моя родная кровь. Ты моя единственная родственница.

- Тётка Наташ! Ну, зачем я тебе? Ты ещё молодая. Найдёшь мужика себе, выйдешь замуж, а я... Я тебе мешать только буду.
- Какой муж, Сашка? Мне уже скоро сорок лет. Сейчас молодых да ранних девок пруд пруди. Куда уж мне-то с ними тягаться.
- Ну... Я не знаю...Но... Может не прямо сейчас. Ты поезжай в Армавир. Вот устроишься на новом месте, осмотришься. Может тебе там тоже вместо жилья дадут койку в общежитии.
- Нет. Мне обещали, что будет квартира.
- Ой! Ты такая взрослая, а всё в сказки веришь. Обещать — не значит жениться. Тётка моя смеётся. Смеётся от души. У неё приятный мелодичный смех. И вообще, она довольно симпатичная женщина. Жалко будет, если она так и проживёт всю жизнь одна.
- Хорошая шутка...
- Я приеду. Ближе к осени обязательно приеду. Скорее всего, в сентябре. А пока у меня есть ещё дела, которые кроме меня никто не сможет закончить.
- А где ты живёшь в Москве?
- Пока нигде. Сниму комнату в Подмосковье. Там дешевле. А в Москву буду на электричке ездить.
- Но деньги...
- Деньги у меня пока ещё есть. А как кончатся, я тебе напишу...
- Ты же адреса не знаешь. И даже я его ещё пока не знаю...
- Вот когда узнаешь свой новый адрес, напишешь мне.
- Куда? Москва, на деревню Сашеньке?
- Не-а. Москва, Главпочтамт, до востребования, Котовой Александре Павловне.

Проводив вечером свою новоприобретённую тётку на поезд до Армавира, я задумался... Я так бодро говорил про то, что сниму комнату в Подмосковье, что сам почти в это поверил. И вот теперь стою на Казанском вокзале, смотрю вслед уходящему поезду и думаю: И, куда блин, мне теперь идти? Где хотя бы ночевать сегодня?

На вокзале? Заметут менты. На чердаке какого-нибудь дома, благо их в Москве полно? Тоже не вариант. Жильцы заметят, а потом... Заметут менты. Да и к тому же после ночёвки на чердаке или в подъезде потом такой помятый вид, что сразу вызывает подозрения у первого же милиционера. Итого опять же тот же.

Снова, как и утром возник банальный вопрос: Куда пойти, куда податься? Погода ещё очень весенняя, и ночевать на улице или в лесах под Москвой — не резон. Что делать? Что делать?...

Вернувшись на Ленинградский вокзал, забрал из автоматической камеры хранения свой рюкзак. Рюкзачок уже не выглядел новым. Обмялся за несколько поездок и перекладываний из одной ячейки в другую. Что у меня в активе. Немного личных вещей. В основном одежда. Запасные носки. Колготки, которые я так и не развернул. Зачем покупал? Видимо по инерции. Типа: Дают — бери! Кеды «Два мяча». Выкидной нож трофей от Короля. Перекладываю выкидуху в карман куртки. Пригодится...

В вокзальном буфете прикупил себе пару бутылок лимонада. Пирожков не было. Были бутерброды. Без слёз не взглянешь. Заветренная колбаса на кусочке хлеба. А бутерброд с сыром вообще выглядел мумией после снятия бинтов. Хорошо, что хоть «благородной плесени» не было видно. Видимо буфетчица ножом соскоблила перед тем, как выложить на витрину. Взял плитку шоколада «Алёнка». Возможно из-за ностальгических воспоминаний моего детства, так как упаковка с круглощёкой девочкой в платочке мало изменилась за долгие годы. А может взял шоколадку лишь из-за того, что просто больше в буфете брать было нечего.

Надо бы зайти на другой вокзал, может там есть что-то посьедобнее... И почему я заиклился на трёх вокзалах. А не съездить ли мне на Курский? Там я ещё не был.

Одна остановка по кольцевой и я на Курской. Вышел на улицу... Блин. Куда я попал. Сплошная стройка. Заборы, грузовики и куча людей в рабочей одежде. Из-за забора проглядывает скелет будущего здания Курского вокзала из стекла и бетона. И повсюду грязь... Да не просто грязь... Грязище.

Почему то вдруг вспомнился шуточный стишок примерно восьмидесятых годов: Ветер воеет и грязище — это старые Мытищи... Ветра больше и не чище — это новые Мытищи.

Жаль, что я забыл про эту эпопею строительства Курского вокзала. Затеяли её ещё в 1968 году, а закончили, дай бог память, в 1972-м. Задумка была загнать старое здание вокзала в сарай со стёклами. Это им удалось. И, кстати, вокзал при этом продолжал работать. Кому какое дело, что людям неудобно?

А потом в девяностые уже новое ныне здание Курского вокзала прикроет уродливый торговый центр Атриум. Ну, ладно. Не будем о будущем. Где тут вход?

Вдоль заборов по стрелкам, захожу в старую часть вокзала. В буфете шедевр

отечественной вокзальной кулинарии. Котлета в булочке. Ну или булочка с котлетой. Кому как нравится. Короче — пародия на гамбургер. Булочка за 3 копейки (помню ещё такие), разрезана вдоль, а внутрь запихнули котлету. Слышал я откуда котлеты берутся в вокзальных буфетах. Нет, не котята. Это совсем уж стёб. Просто в вокзальных ресторанах много остаётся недоеденного мяса. Откуда? Ну, во-первых: Заказал себе шашлык (или бифштекс, какая разница). Пока приняли заказ, пока приготовили, пока принесли... А тут вдруг неразборчивым голосом по внутривокзальной громкоговорильни: Поезд на Воркуту с пятого пути тю-тю... Ну или что-то вроде этого. А во-вторых: Кто-то заказал себе мяса, а оно оказалось... Ну, в общем, не совсем съедобным. Или жёстким, или жилистым... Короче, опять не доел кто-то что-то. Ну, не выбрасывать же? Хлеба добавить, яиц и через мясорубку. Вот и котлеты. А транзитные пассажиры всё съедят. Ну, или снова не доедят.

Я не стал рисковать своим желудком. Взял себе ещё пачку печенья «Юбилейное» со знаком качества на упаковке.

Пока бродил по вокзалу добрался до пригородных касс. Пробежался по расписанию. О! Петушки! Отправление через пятнадцать минут. Сразу вспомнился Венедикт Ерофеев с его алкогольной поэмой «Москва — Петушки». И я рванул покупать себе билет.

Сама поэма этого разрекламированного изобретателя «Слезы комсомолки» и прочих коктейлей мне не зашла. Ну не моё это и всё. Бухать, бухать и бухать... Тут я выпил двести грамм, а на следующей станции добавил.

Нет. Я всё понимаю. Такое время, такая жизнь и всё такое. Но не моё. Как говорится: Мы сами с усами, а вы пейте сами!

И это не потому, что сейчас я несовершеннолетняя девочка и алкоголь мне не то чтобы совсем нельзя, но и потому, что я и в прошлой жизни к алкоголю относился с некоей долей настороженности. Выпить мог, но не часто и не много. И не каждый день. И не каждый месяц даже. По поводу — это да. В хорошей компании, за хорошим столом да под хорошую закуску — это очень даже «Да!». Ну а просто так, не-а. Не моё.

В вагоне электрички народу было ни много, ни мало. Короче места всем хватало. Закинув рюкзак на багажную полку, сажусь у окна. Моё место почти у самых дверей в тамбур. Там сиденье укорочено. Всего два места вместо трёх. Рядом со мной уместается мужичок в пальто цвета дохлой мыши. У него помятая коричневая шляпа. Да и сам он весь какой-то помятый. Надвинув шляпу на глаза, он практически сразу засыпает, не дождавшись даже отправления поезда. Постепенно вагон заполняется людьми, но всё равно ещё вполне свободно. Возможно, на следующих станциях пассажиров добавится.

Из-под надвинутой кепки изучаю попутчиков. Люди как люди. Женщины, дети разнокалиберного возраста. Много мужичков в том самом состоянии подшофе, что ещё не выходит за рамки приличия. Всё правильно. Конец рабочего дня. Пролетариат и интеллигенция в едином порыве едут с работы домой. К н и г о е д . н е т

Две девчонки примерно моего возраста... Ну, да... Что-то среднее по возрасту между Ингой и Александрой. Лет так четырнадцати на вид. Кто знает. Может и тринадцать, кто их девчонок разберёт. Одеты прилично. Даже слишком прилично для пригородной электрички. С ними дама. Может мама. Может старшая сестра. Но тоже с высокомерием оглядывает окружающих. Девчонкам всё равно. Они поглощены разговором и на всех остальных им пофиг. Мне тоже пофиг.

На следующей станции заваливает много народу. Сразу видно работяги. Ну, ещё бы. Остановка называется «Серп и молот». Наверняка с одноименного завода. В моё время завод не только сломать успели, но и застроили новыми человеичниками. Да и вообще, в моём будущем с заводами как-то не сложилось. Нет уже ни ЗИЛа, ни АЗЛК. И с другими крупными предприятиями что-то тоже не сложилось. Такое ощущение, что в Москве будущего только офисные и торговые центры. И всюду реклама: Покупай! Покупай! Покупай! Ага... Было бы на что.

С приходом работяг, в вагоне сразу стало шумно и матерно. Но никто особо не возмущается. Ведь эти люди не ругаются матом. Они на нём разговаривают. А как можно возмущаться тем, что люди разговаривают друг с другом на родном и понятном для них языке. А ещё становится гораздо теплее. И запах. Пахнет всем сразу. Потом, перегаром, чесноком, пролитым пивом и ещё чем-то неуловимо знакомым, но давно забытым... Наверное развитым социализмом. Не иначе... Забавно...

Надвигаю кепку поглубже на глаза. Устраиваюсь поудобнее. Хотя это и сложно на деревянной лавке. Никакого мягкого вагона нет и в помине. Сиденья обиты лакированными рейками цвета натурального дерева. Соответственно из того же материала...

Я сижу в уголке, и меня никто не трогает. Меня ничего не волнует. Я закрываю глаза. Колёса стучат ритмично. Мне хорошо. Я погружаюсь в дрему. Я засыпаю. Не то чтобы совсем проваливаюсь в сон. Но всё же прибываю в глубокой полудреме. На заднем фоне кто-то бубнит, объявляя станции. Чувствую по движению вокруг, что народ то выходит, то заходит. А потом становится совсем сумбурно. Бу-бу бу-бу-бу...

Сквозь сон чувствую какой-то дискомфорт. Что-то зябко стало. Откуда-то тянет сквозняком. Откуда? Окна везде вроде были закрыты. Не май месяц чай... Да. Не май. Начало апреля. Первая декада. Открываю глаза...

Народу в вагоне стало намного меньше. За окнами темно. Лишь изредка мелькают тусклые и яркие огоньки. Поздний вечер. Где мы едем? Почему так дует.

Рядом со мной никого. Мужичок видимо сошёл где-то. Кошу глазами вверх. Мой рюкзак на месте. Стягиваю его к себе на сиденье. Достая бутылку лимонада. Поддеваю пробку об оконную окантовку. Опыт вскрытия пивных и лимонадных бутылок чем угодно такой огромный, что проблемы с этим никогда не возникало и не возникнет. Да... Профессионализм не пропьёшь. Хотя это не про меня даже. Я не пропью ничего из своего. Натура такая. Я лучше буду страдать трезвым, чем заливать горе водкой.

Отпив из бутылки почти не треть, прикрыл пробочкой и поставил на сиденье рядом с собой.

А в вагоне народу совсем мало. Девчонки со своей молоденькой мадамой. И, кстати, сейчас только заметил, что у них на багажной полке лежит скрипичный футляр. Всё ясно теперь. Это вполне оправдывает их нетипичные для электрички наряды. А сопровождающая дама, если не сестра и не мама, то скорее всего учитель музыки.

Люблю вот так разглядывать незнакомых людей и прикидывать кто они, откуда, какая профессия. Может я и ошибаюсь в отношении их, но не думаю, что намного.

Кроме девичьей компании в вагоне пара тёток с сумками. Причём сумок явно больше чем тёток. Видимо затариваться по магазинам ездили в Москву.

Интеллигентного вида сухопарый мужичок читает газету. Вижу отсюда, что это Советский спорт. На спорт этот представитель интеллигенции явно не тянет. Типичный

инженер-доходяга из какого-нибудь НИИ с зарплатой сто двадцать и амбициями на все пятьсот.

Семейная пара. Пьяненький мужик невысокого роста и рослая бабища с высокой причёской. Она его пилит. Её монолог продолжается скорее всего уже давно, потому что и голос у неё уже усталый, и эпитеты не слишком яркие. Мужичок кивает, вторя её словам. Но видно, что ему это уже давно привычно, и глубоко пофиг настолько, что и дна не видно. Ну, хотя бы он с ней не спорит. Тогда бы это был уже диалог. Нет. Не в этой семье. Тут только монолог. И право вести монолог принадлежит жене. И точка...

В дальнем конце нашего вагона с шумом распахиваются раздвижные двери. Компания из трёх явно подвыпивших парней вваливаются в вагон. Всем троим примерно лет шестнадцать — восемнадцать. В армию ещё рано, а на подвиги уже тянет. Одеты комично. Так одеваются деревенские парни, чтобы выглядеть по-взрослому, но обычно получается именно по-деревенски. В Москве таких редко можно встретить вдали от вокзалов. А в пригороде в это время такие сплошь и рядом. И в сёлах, и в посёлках городского типа. Типаж такой, чисто совковый. Длинные невымытые волосы, рубашки с широким воротником, обязательно расстёгнутые. Ну а в штаны вшиты клинья, чтобы получились клеши пошире...

Первым движется скорее всего «предводитель», ну или «атаман». Короче — главный бабуин в этом обезьяннике. Молодой бычок без кольца в носу. Его свита не такая впечатляющая. Так, скорее всего подпевалы. И ростом пониже, и в плечах пожиже. Но в стае, а иначе их не назвать, они смелые и сильные... Да... До первых люлей, от приличных людей. Но в нашем вагоне приличных людей, способных дать отпор шпане, явно не наблюдается.

Вот заглохла тётка, перестав пилить своего мужа. Муж, глядя на жизнь мутными глазами, тоже помалкивает.

У интеллигента-инженера шпанистый главнюк мимоходом проходя вырвал из рук газету и усевшись напротив стал демонстративно её читать. Хотя ему было на*рать и на газету и на Советский спорт. Ему нужен был повод, и он его нашёл.

Его дружки тоже завалились рядом. Один на сиденье рядом со своим «боссом», а другой, толкнув плечом доходягу в шляпе, буркнул: «Подвинься!»

— В чём дело? — Возмущение интеллигентного очкарика было натуральным, но каким-то... слабеньким. А в голосе прозвучали жалобно-визгливые нотки.

— Чё? — главнюк скрутил газету в трубочку и хлопнув жертву по голове, глумливо спросил: — Чё ты сказал?

— Вы! Вы...

— Да пошёл ты на *уй, дядя! — «Атаман» замахнулся, но скорее пугал, чем хотел ударить. — А ну свали отсюда, быстро!

Бывший владелец газеты, ищущим взглядом оглядел вагон, но видя, что заступиться за него некому, схватил свой худенький портфель и попытался выбраться из своего отсека. Но ловко поставленная ему подножка, уронила его на грязный пол. А пытаясь встать, он ещё и получил пинок под зад. Но через полминуты его уже не было в нашем вагоне. Фантастика. Вот ведь как газета Советский спорт помогает интеллигенции быстрее передвигаться в пространстве.

А главный бабуин стал читать газету. Или делать вид, что читает. Возможно, он просто оглядывал вагон в поисках новой жертвы. И он её нашёл. А точнее не её, а их.

Тётки с сумками сделали вид, что им срочно надо выходить на следующей остановке. Они подхватили свою поклажу и скрылись за дверями тамбура. Женщина с высокой причёской подхватив своего мужа исчезла вслед за ними.

В вагоне остались только я, а в придачу девочки с мамамой и скрипкой. Я сидел в уголке с надвинутой почти на глаза кепкой. Бросив на меня взгляд, и видимо признав неопасным, шпана весело гогоча уже подкатывала к прилично одетым девочкам. Типа, давайте

познакомимся, а чё мы таки серьёзные и прочий бред... И если бы только слова. Словесный свой понос разнузданная молодежь сопровождала вульгарным рукоблудием.

Главарь схватил одну из девчонок за шею. И притянув к себе пытался то ли поцеловать, то ли лизнуть, со словами: ути какая сладенькая...

В ответ на это он получил звонкую оплеуху от старшей девушки. Не знаю, кто она им это старшая? Мама или учительница, но смелости ей не занимать.

Злодея даже отшатнуло от такого неожиданного удара. Но с красной от пощёчины щекой он подскочил к обидчице. Схватив её за горло левой рукой, правой он выдернул из кармана нож. Не выкидной, как у меня, а что-то тифа самодельной финки. Делает медленный замах, отводя руку с ножом чуть в сторону...

— Убью, сука! Порежу, на *уй!...

Блин. Ну, когда всё это закончится? Видимо никогда. И почему я с такой периодичностью влипаю в такие вот никому не нужные ситуации? Ехал себе незнамо куда, не трогал никого, и тут нате вам с кисточкой. Конечно, мне хотелось сказать им что-нибудь оскорбительное. Типа как герой Сергея Никоненко в фильме «Классик»: Эй! Половые активисты... Ну или что-то в этом роде. Но медлить нельзя.

До парня с ножом мне всего метра полтора. Так на один подшаг. Я резко делаю этот шаг. Двумя руками захватываю его правую кисть. Большими пальцами обеих рук отжимаю кисть с ножом от себя, сильно пробиваю правой ногой в пах. Бить неудобно. Места промеж сидений мало, но попадаю. Его сгибает вперёд, а я рывком закручиваю его руку против часовой стрелки. Пацанчик красиво перелетает вслед за своей выкрученной рукой и шмякается на пол, попутно потеряв нож, выпавший из заломленной руки. Продолжая удерживать его руку левой, пробиваю сжатыми фалангами правой руки в кадык. Сильно бью. Не жалею. Противник хрипит и корчится. Уже не боец.

Двое других, сперва опешив от такого неожиданного отпора от явно более мелкого пацана, быстро приходят в себя. Тот, что был ближе ко мне, с рыком тупо бросается на меня, сжав кулаки.

Ухватившись руками за металлическую петлю на спинке сиденья пробиваю нападающему в грудь сразу двумя ногами. Мои совковые ботинки для этого вполне подходят. Его сносит назад и он заодно с собой прихватывает второго. Быстро встаю на ноги и прыгаю вперёд. Удар сверху вниз ногой в лицо лежащего. А потом прыжок уже обеими ногами ему на грудь. Не удерживаю равновесия и падаю в сторону. Нехило так приложившись боком о деревянное сиденье. Но мой оппонент повержен. Пока я поднимаюсь на ноги, второй противник уже выбрался из-под своего сотоварища и уже держит в руке ножик. Тоже какая-то самоделка. Держит он неумело, рука чуть в сторону. Удар в меня планируется снизу вверх и прямо в пузо.

Щас. Как же...

Так я и позволил втыкать грязные железки в мой многострадальный живот. Тупо пробиваю ему ногой прямо по яйцам, а двумя руками бью скрюченное тело по ушам. Он уже на коленях у моих ног. Нож выпадает из его руки. Кулаком в шею сзади. Там есть такая косточка в позвоночнике. Туда и бью. Готов. Ещё один в отключке.

Оглядываю поле битвы. Всё как у Пушкина: О поле, поле, кто тебя усеял мертвыми костями?

Кто, кто? Я, конечно.

Итак. Что мы имеем? Первый уже не корчится. Затих. Понимаю его. Удар в кадык это тебе не хухры-мухры. Может и сдох уже. Туда ему и дорога. Да. Нет... Вроде ещё подёргивается. Третий без сознания. Второй?...Хватаю лежащего в проходе за волосы левой рукой, а кулаком правой пробиваю в висок. Нокаут.

Счёт: Три — ноль. Пора сваливать из этого вагона.

Гляжу на испуганно замерших девочек. Глаза у всех, как в аниме, на пол-лица. Одна из маленьких скрипачек зажимает рот ладонями.

Тошнит её, что ли? Или старается не закричать? Молча делаю им знак рукой, типа валите отсюда, да побыстрее!

Старшая понятиливо кивает, подхватывает своих спутниц. Вся троица, шумно топоча исчезает через тамбур в соседнем вагоне.

Я быстро шмонаю сперва ближних двоих, а потом и третьего врага. Денег немного. Забираю все бумажки. Снимаю у одного из них часы «Ракета». Пригодятся, время сверять. Бросаю в рюкзак. А что? Трофеи — это моё законное. Что с бою взято, то свято! Меня так учили. Правильно меня учили.

Ножи не трогаю. Качество говёное, сразу видно. Если их менты найдут, а на ножах только их отпечатки. Пусть тогда и думают, кто кого побил...

Подхватываю свой рюкзачок, а заодно и недопитую бутылку с лимонадом. На ней мои отпечатки. Не стоит оставлять свои пальчики на поле боя. Оглядываю вагон, перед тем как уйти...

Блин. Девочки! Скрипку-то вы забыли. Беру с собой футляр с инструментом, и двигаюсь в ту сторону, куда исчезли мои попутчицы.

В соседнем вагоне их уже нет. Тут вообще никого нет. Так бывает иногда, когда люди, подъезжая к своей станции кучкуются ближе в первому и последнему вагону. Житейская мудрость: Там ближе к выходу с платформы. А иногда наоборот собираются в центре поезда. Потому что там ближе к пешеходному мостику над путями. Местные они всё знают. И где ближе, и где быстрее.

Ну а я иду дальше. В следующем вагоне пара скучающих пассажиров. Моих попутчиц снова нет. Ещё два вагона прошёл... Поезд стал притормаживать. За тёмными окнами стало больше огней. Подъезжаем к станции.

Что за станция такая?

Орехово-Зуево.

С шипением раскрываются двери.

Выхожу на платформу и осматриваюсь. Из вагона, где я бился, никто не выходит. И радуется, что туда никто и не заходит, так как пассажиры в основном собираются у головного вагона. Двигаюсь туда и почти сразу замечаю девочек. Одни пассажиры уже зашли в вагоны, другие уже вышли и ушли, а эти стоят на месте. Старшая чего-то выговаривает одной из девочек.

Ясно чего. «Почему ты оставила скрипку в вагоне?»

«А потому...» — мысленно отвечаю ей. «Потому что испугалась. Как и все вы трое.»

Не спеша подхожу к ним. Старшая меня не видит, стоит ко мне спиной. А младшие уже заметили меня, но не подают виду. Я что, такой страшный?

— Девочки! Вы скрипочку забыли.

Мама оборачивается ко мне и примерно с полминуты молча глядит на меня.

Смотрю на неё и снова повторяю:

— Я говорю. Вы скрипку свою забыли. Возьмите! — протягиваю футляр.

— Спасибо! — скупо благодарит старшая, забирая скрипку.

— Не за что... — кидаю им я, и развернувшись начинаю удаляться в сторону стоящих на привокзальной площади автобусов.

Все автобусы местного значения. Названия конечных пунктов мне ни о чём не говорят. Видимо какие-то соседние деревеньки или окраинные поселения этого городка. Нескольким таксистам, стоящим неподалёку я тоже не интересен, как и они мне. Иду куда-то по улице в сторону от станции. Там вроде бы и дома повыше, и фонари вдоль дороги.

Примерно представляю карту и понимаю, что если долго-долго-долго так вот прямо идти, то можно дойти до автодороги Москва-Владимир. Делать мне здесь больше нечего.

Вообще вся моя затея прокатиться по маршруту Венечки Ерофеева Москва-Петушки была спонтанной и довольно глупой. Зачем я туда пошёл? Идиот!

Ладно. Доберусь до трассы, поймаю попутку и в Москву. А там что-нибудь придумаю. Слава богу, не зима. Не замёрзну. Мурлыкая про себя не помню уж какую мелодию, я весело зашагал вперёд.

По дороге, обогнав меня, притормозил 412-ый Москвич ярко-жёлтого канареечного цвета с синей полосой на борту.

Белым по синему отчётливо читалась надпись на этой полосе «МИЛИЦИЯ».

Конец первой книги

Больше книг на сайте - Knigoed.net